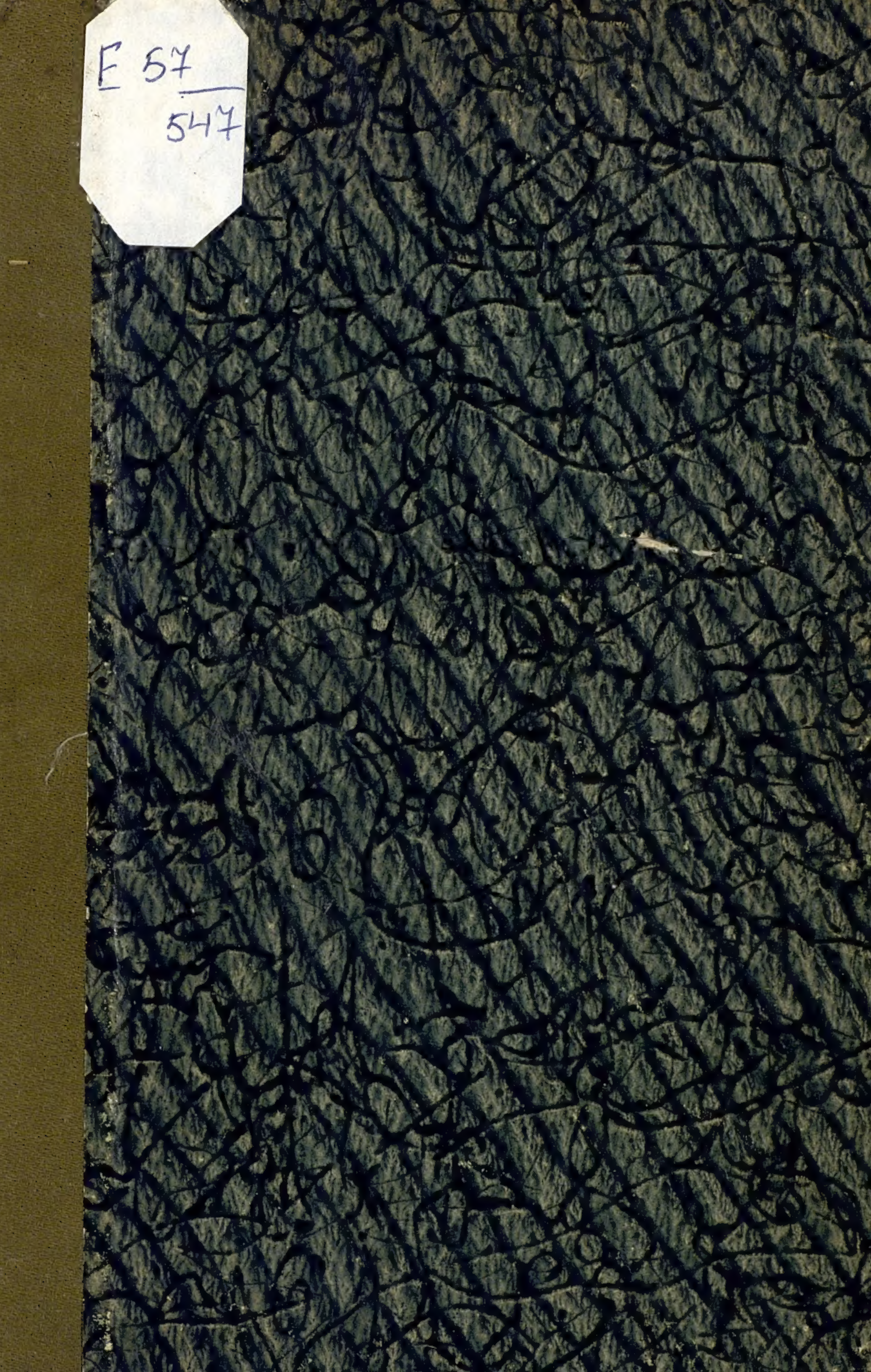

E 57
547

Я. РУДОЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

В Артемьев

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Я. РУДОЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

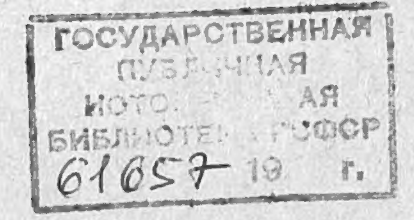
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
УПРАВДЕЛАМИ
РВС СССР
Ул. ФРУНЗЕ, 23

Главлит 70.156.

Заказ № 3885.

Тираж 10.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание предлагаемой работы вышло в 1925 году до XIV партс'езда. Автор тогда ставил задачей осветить вопрос о госкапитализме военного периода так, как он был выражен в царской России, попутно коснувшись также и Германии.

В связи с дискуссией во время XIV партс'езда, был выдвинут вопрос о госкапитализме в иной плоскости—о роли и значении госкапитализма в советском хозяйстве. Новая оппозиция пыталась навязать партии взгляд о советском хозяйственном строе, как о госкапиталистическом. С'езд отверг эту точку зрения. Вместе с этим встала задача широкого освещения на ряду с другими вопросами, поднятыми на с'езде, также вопроса о госкапитализме. Несомненно, что эта проблема имеет глубочайший теоретический и политический интерес. Вопрос о госкапитализме важен еще тем, что, несмотря на партийные решения, оппозиция не отказалась от своих взглядов, которые она защищала до и во время с'езда.

Предлагаемая работа дает возможность ознакомиться с госкапитализмом буржуазной формации военного периода. На ряду с этим в книге дается освещение развития государственного капитализма при временном правительстве, в период перед введением новой экономической политики, а также о госкапитализме в современной постановке, где разобраны взгляды оппозиции на этот вопрос и дана им критическая оценка. В последней главе дан цифровой материал об удельном весе частнокапиталистических, госкапиталистических и социалистических элементов нашего хозяйства. Все это придает книге цельность изложения проблемы госкапитализма. Можно надеяться, что в таком виде книга поможет читателю разобраться в вопросе, который имеет чрезвычайно большое теоретическое и политическое значение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание предлагаемой работы вышло в 1925 году к XIV съезду партии. Автор тогда считал задачей осветить вопрос о восстановлении довоенного уровня, так как он был [illegible] России, [illegible] даже Германию.

В связи с дискуссией во время XIV партсъезда был поставлен вопрос о [illegible] — о [illegible] с [illegible] хозяйством. [illegible] в советском [illegible] строе как [illegible] социалистической [illegible]. С тех пор [illegible] в ряду с другими вопросами [illegible] также вопрос о [illegible], что эта проблема имеет [illegible] теоретический и [illegible] интерес. Вопросы [illegible] тем, что, несмотря на партийное решение, оппозиция не отказалась от своих взглядов, которые [illegible] время съезда.

Предлагаемая работа дает возможность [illegible] возникшей [illegible] также [illegible] а также [illegible] в современной [illegible] этот вопрос [illegible]. В [illegible] главе дан [illegible] материал [illegible] и [illegible] элементов [illegible]. Все это [illegible] проблемы [illegible]. Можно надеяться, что в таком виде книга поможет читателю разобраться в вопросе, который имеет громадное теоретическое и политическое значение.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая война с ее громадными расходами вызвала сильное падение производительных сил во всех воюющих странах. Несмотря на громадный рост военной индустрии, на увеличение количества рабочих, занятых в ней, на рост продукции, выбрасываемой на военный рынок, капитализм, в общем, все же дал трещину, „нормальный“ ход его был нарушен.

Капитализм совершал, по выражению тов. Бухарина [1]), процесс отрицательного расширенного воспроизводства, являющийся кульминационным пунктом его кризиса. Положение характеризовалось тем, что все отрасли народного хозяйства, изготовляющие предметы мирного потребления, переживали застой, сельское хозяйство было подорвано, чувствовался недостаток предметов первой необходимости. Особенно остро последствия войны переживали отсталые в капиталистическом отношении страны. Богатые капиталистические страны, как Англия, Америка, сумели быстрее приспособиться к военным условиям, и наладить производство средств истребления, а также продуктов, необходимых для своих многочисленных армий, чтобы обеспечить бесперебойный ход войны.

Состояние техники позволяло этим странам на ходу переоборудовать те отрасли промышленности, которые были им необходимы для ведения войны. Это давало им возможность удовлетворять военные потребности в достаточном размере и еще снабжать вдобавок другие отсталые страны. Наличность у этих стран колониальных владений позволяла оттуда восполнить недостаток в сырье и с‘естных припасах. Заслуживает внимания то обстоятельство,

[1]) „Экономика переходного периода“ ГИЗ М. 1920 г., стр. 39.

что страны, до войны жившие привозным хлебом, как Германия, Англия, сумели удовлетворить потребности своего населения в предметах продовольствия. И наоборот, Россия считавшаяся „житницей Европы“, наиболее остро переживала продовольственный кризис. Все слабые стороны частно-капиталистического хозяйства сказались особенно резко в наиболее отсталых капиталистических странах. Последние оказались наиболее слабым звеном в общей капиталистической системе. Здесь лежали корни революционных потрясений, происшедших в самый разгар войны. Именно земледельческая отсталая Россия вынуждена была раньше других участников войны выбыть из военного строя и явить миру картину величайшей революции. Капитализм оказался наиболее „живучим“ в старых капиталистических странах Европы, а также в Соединенных Штатах, усвоивших наиболее типичные методы капиталистической эксплоатации.

Это отнюдь не значит, что указанные государства не пострадали от войны и что они в дальнейшем были ограждены от процесса распада. Наоборот, вся послевоенная экономика доказывает обратное. Капитализм во весь послевоенный период, если принять во внимание его развитие в перспективе, несмотря на частичную и колеблющуюся стабилизацию, продолжает переживать эпоху экономического упадка, который рано или поздно приведет его к краху. И никакие планы Дауэса этому не помешают. Здесь идет речь о том, что процесс распада капитализма во время войны острее чувствовался в технически и экономически отсталых странах. Техническая слабость этих стран не давала им возможности развернуть военную промышленность в такой степени, как этого требовали развернувшиеся военные действия. Этим об‘ясняется хронический недостаток в военных припасах, а также в предметах продовольствия.

Россия явилась наиболее типичной страной в этом отношении. Уже с самого начала войны, несмотря на громкие патриотические фразы Государственной Думы и представителей правительства, выяснилось, что страна не справится с тяжелым военным бременем, легшим на ее плечи, и что война есть последняя ставка, поставленная царским правительством и буржуазией.

Уже летом 1915 г. чувствовалось всеми, насколько царское правительство бессильно справиться с задачами войны. Армия чувствует недостаток в снарядах. На этой почве замечается недовольство в стране. Буржуазия, благодаря своей экономической роли, чувствовавшая себя активной силой в ведущейся войне, поставившая себе задачу за счет империалистической политики и лозунга „война до победы“ нажить политический капитал, сразу забила тревогу и потребовала себе места, как в управлении экономикой, так и, в дальнейшем, политикой страны. Вопрос о мобилизации капитала стал неотложной задачей дня. Та самая буржуазия, которая была верной поклонницей частной инициативы, „свободного капитализма“, быстро сменила вехи и превратилась в ярую сторонницу „государственного регулирования“. „Все для войны через регулирование“—лозунг буржуазии того времени

Такова программа мобилизации капитала, которую выработал русский капитализм в момент острого кризиса военной системы царского правительства.

Почему русская буржуазия пошла на государственное регулирование? Во-первых, несмотря на самостоятельные политические цели, преследуемые буржуазией, стремившейся к захвату власти, пути ее при данной ситуации не расходились с царизмом, особенно во внешней империалистической политике. Давая некоторые преимущества правительству в области регулирования, капитал стремился выиграть экономические позиции, укрепиться, а потом перейти в наступление, что в дальнейшем ему в значительной степени и удалось.

Во-вторых, осуществлялось стремление буржуазии выиграть затеянную вместе с царизмом войну. А от этого зависело все будущее, как русского, так и союзного капитала.

В-третьих, мобилизация капитала укрепляла классовые позиции буржуазии в борьбе с рабочим классом, который нужно было скрутить в бараний рог военщины.

В этом подоплека и суть лозунга „государственного капитализма“ того времени в России.

Царскому же правительству нужно было пойти на мобилизацию капитала потому, что оно было вынуждено

к этому силой обстоятельств, заключавшихся в военных поражениях, а также еще и потому, что это до крайности усиливало бюрократическую правительственную машину. Мы в дальнейшем увидим, как царизм здесь потом просчитался.

В общем, государственный капитализм военного времени в тогдашней России явился крайне неудачной попыткой русской буржуазии вместе с царизмом остановить прогрессирующий распад капитализма, влить в него жизненный бальзам и удержать какой бы то ни было ценой довоенные позиции.

Здесь необходимо указать на общую разницу между „государственным капитализмом“ в Германии и в царской России.

Если германский капитализм уже до войны вырос— в лице синдикатов, трестов и банкового капитала—в самостоятельную экономическую силу, которой не страшно было централизованное германское юнкерское государство, наоборот—эта государственная сила служила капиталу, то в России обстоятельства сложились иначе.

Здесь с самого начала выявилась слабость русской буржуазии, ее политическая никчемность и ее боязнь самостоятельного политического пути. Она плелась в хвосте царизма, и это обусловливало трудность для буржуазии политической борьбы с ним.

М. Лурье в своей книжке „Будущее германского хозяйства“ писал следующее:

> „Германское хозяйство идет к планомерно-организованному господству крупного капитала, осуществляемому кооперацией государства с крупными банками“.

Сопоставим с этим политическое состояние нашей буржуазии в начале войны, очутившейся в дальнейшем всецело под прессом мертвящего бюрократического царистского государственного аппарата. Всем должно быть памятно знаменитое „историческое“ заседание Государственной Думы 26 июля 1914 г., когда столпы буржуазии, будучи охвачены националистическими настроениями, забыв свои разногласия с царскими министрами, выразили им полное доверие и уполномочили их на ведение войны. Буржуазия

тогда фактически отказалась от своих политических прав, надеясь выиграть в дальнейшем ходе военных действий на экономических выгодах, которые несет война. Русская буржуазия по своим традициям всегда плясала под дудку царизма вплоть до того момента, когда ход войны с последовавшей разрухой, сильно подорвавшей царизм, и усилившееся рабочее движение заставили ее стать более активной политической силой. Русский государственный капитализм буржуазной формации, несмотря на крупную роль, которую играла в нем буржуазия, стал привеском самодержавия. Единство интересов буржуазии и царизма выявилось с наибольшей силой в тот момент, когда Милюков и Родзянко, несмотря на внешнюю оппозиционность, все свои усилия направили на удержание трона Романовых. Это единство интересов обусловливалось общей их боязнью перед красным призраком революции.

Экономический строй военной России отличался от германского еще одним важным фактором.

В Германии процесс технического развития достиг накануне войны своего апогея. Сам капитализм создал также в экономической области—в лице синдикатов, трестов и банков—централизованную организацию, способную провести мобилизацию капитала.

В России все это было в недостаточной степени. „Естественный“ экономический рост капитализма еще не поставил в порядок дня систему государственного капитализма, как экономическую проблему.

Государственное регулирование в России вводилось под влиянием крайней нужды, хозяйственной разрухи и полнейшей неспособности царского правительства справиться с задачами войны.

Таким образом, государственный капитализм в России явился следствием трех причин: 1) полной хозяйственной разрухи, которая до сих пор сказывается на хозяйственном положении страны; 2) неспособности царизма справиться с задачами войны; 3) наличия одинаковых империалистических целей буржуазии и самодержавия.

Дальнейшее изложение должно выявить: 1) основные факторы хозяйственной разрухи, 2) неспособность буржуазии, вместе с царизмом, справиться со стихией, ими же самими вызванной, и 3) что только диктатура пролетариата способна разрешить вопросы подлинного государственного хозяйственного регулирования не в интересах кучки капиталистов и царских чиновников, а в интересах широких слоев трудящихся.

ГЛАВА I

ВОЙНА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАЗРУХА

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Деревня в начале войны переживала довольно своеобразный процесс. Это выразилось вначале в некотором оздоровляющем влиянии, которое на нее имело прекращение водочной монополии. Как известно, довоенные расходы на спиртные напитки составляли изрядную долю расходов крестьянина. Прекращение продажи вина сократило эту статью расхода и оздоровило бюджет крестьянства. Потребление деревней городских продуктов возросло. Увеличился спрос на городские товары. Город же, в связи с общими условиями войны с переходом производства на изготовление предметов военного снаряжения, сократил производство предметов широкого потребления и не мог давать крестьянству взамен сельско-хозяйственных продуктов соответствующего эквивалента. Это обстоятельство и возросшее потребление крестьянства, а также нарушение правильного обмена между городом и деревней, не вызывало в крестьянстве стимулов вывозить хлеб в город. Оно стремилось удержать его у себя в деревне. Здесь также сыграло роль начавшееся обесценение рубля.

На ряду с этим замечалось все большее сокращение посевной площади.

Так, по данным „Известий Военно-Промышленного Комитета“ уже весной 1915 г. мы имеем при посеве яровых уменьшение посевной площади на 1,6%, которое в дальнейшем все более прогрессирует. А в разгар войны, по данным Прокоповича, имеется падение посевной площади на 5,7%. Все возрастает также число беспосевных.

У тов. Дубровского в его „Очерках русской революции“ приводятся следующие цифры:

„Число беспосевных возросло: в Тульской губ. с 1915 по 1917 г. с 4,2% до 6,5%, Симбирской — 10,2%—13,4%, Калужской губ. Жиздринский уезд—6,5%—14,6%“.

Значительно возросло число хозяйств без скота. Например, в Тульской губ.—на 13,6%.

Сильно уменьшается производство сельско-хозяйственных машин. Ввоз из-за границы почти совсем прекращается.

Ввоз за пятилетие 1911—1915.

В среднем за:	Было ввезено в миллионах пудов.
1911—1913 г.	9,7
1914 „	7,3
1915 „	0,3
1916 „	0,4 [1]

Чем об'ясняется падение посевной площади?

Раньше всего—убылью живой рабочей силы, взятой на войну. Затем—уменьшением живого и мертвого инвентаря (мобилизация лошадей). И, наконец, потерей крестьянином основного стимула производства хлеба, в виду невозможности ему получить в городе взамен хлеба необходимые продукты.

Таким образом, уже с самого начала войны, в связи с вышеуказанными причинами, наметилась тенденция к падению производительных сил в деревне. Нормальный товарообмен между городом и деревней нарушился. Обесцененная валюта ничего не давала крестьянину, и он стремился удержать хлеб и другие продукты сельского хозяйства у себя в деревне, поставив этим город в тяжелое продовольственное положение, создав тем самым в нем продовольственный кризис.

Не случайным является тот факт, что именно продовольственный вопрос стал Ахиллесовой пятой царизма, именно при разрешении этого вопроса выявилось бессилие самодержавия наладить хозяйственную жизнь, и что именно продовольственные неурядицы явились одним из поводов падения царизма.

---

[1]) В. Сарабьянов.—„Экономика и экономическая политика СССР“, стр. 62.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Состояние народного хозяйства можно проследить, на ряду с основными факторами—сельским хозяйством и промышленностью, также по состоянию внешней торговли.

Россия всегда нуждалась в привозных товарах, особенно в фабрично-заводском оборудовании (машинах, станках и пр.), которое ввозилось из-за границы. Каковы же были торговые сношения России с заграницей во время войны? Цифры, характеризующие внешнюю торговлю империи, мы находим у Прокоповича в его книге „Война и народное хозяйство".

Факты показывают следующее. С об'явлением войны, с закрытием главных границ, ввоз начинает сильно падать. В первые 11 месяцев войны он падает до 343 миллионов руб. или 27,4% ввоза 1913 г. Это уменьшение ввоза об'ясняется прекращением торговых сношений России с Германией и ее союзниками, откуда ввозилось до войны изрядное количество товаров. Торговые связи со своими союзниками у России еще не налажены. Но дальше картина меняется. Развертывание военных действий требует от России все большего напряжения сил. Замечается нехватка в товарах, особенно в военном снаряжении. Растет привоз из стран, составляющих Тройственное Согласие.

За второй год войны ввоз уже увеличивается до 77,9% привоза 1914 г., или превысил ввоз первого года войны в два с половиной раза.

Третий год войны показывает рост ввоза в еще большей степени. Он превышает ввоз 1913—1914 г. в полтора раза.

Что же ввозится из-за границы? Если раньше предметами ввоза являлось преимущественно то, что составляет основной капитал, фабрично-заводское оборудование, то сейчас уже имеется также усиление ввоза и сырья.

Посмотрим на состояние вывоза. Здесь замечается сильное падение в сравнении с довоенными годами. Третий год войны характеризуется уменьшением нашего вывоза в два раза сравнительно с довоенным.

Тов. Сарабьянов приводит несколько таблиц нашего экспорта и импорта за время войны [1]).

Годы	Ввоз	Вывоз
	В милл. руб.	
1913	1.374	1.520
1914	1.098	956
1915	1.139	402
1916	2.451	577

Экспорт и импорт по товарным группам

Было вывезено в миллионах руб.

ГОДЫ	Жизненных припасов	Сырых и полуобработанных материалов	Живого скота	Изделий
1913	839,9	561,0	34,4	84,9
1914	524,4	349,1	14,5	61,1
1915	201,8	144,7	0,2	55,2
1916	175,8	326,0	0,4	75.1

Было ввезено в миллионах руб.

ГОДЫ	Жизненных припасов	Сырых и полуобработанных материалов	Живого скота	Изделий
1913	237,9	668,0	17,6	451,5
1914	198,2	520,8	13,5	365,5
1915	179,2	500,0	15,2	444,5
1916	261,4	994,1	18,4	1.177,3

[1] „Экономика и экономическая политика СССР,“ стр. 64.

Уменьшение экспорта за границу происходит за счет продуктов сельского хозяйства, т.-е. именно основного контингента товаров русского экспорта. Это сокращение указывает на сильный подрыв хозяйственной мощи России, так как от экспорта продуктов сельского хозяйства в значительной степени зависело экономическое благополучие деревни. Сокращение вывоза за границу больше всего отразилось на с'естных припасах, цифра которых достигла уменьшения в 7—8 раз.

Анализ внешней торговли во время войны, даже с первого взгляда, рисует сильное падение производительных сил, особенно в основной части народного хозяйства—сельском хозяйстве. Вместе с тем, устанавливается длительный пассивный торговый и расчетный баланс России. Отсюда же вытекает ухудшение и финансового положения страны.

Связь с мировым рынком ослабляется именно в той части, которая служит показателем роста народного хозяйства в целом.

ФИНАНСЫ

Откуда брал царизм деньги на войну? Меньшевики и эсеры, несмотря на удачное проведение советской властью денежной реформы, до сих пор склонны сомневаться в ее успехе[1]). До денежной реформы они приписывали всю финансовую разруху, создавшуюся в течение почти десятилетия империалистической и гражданской войн, исключительно советской власти. Они обставляли дело так, как будто во времена царизма в России имелась твердая денежная валюта, как будто тогда существовало финансовое благополучие. Цифры говорят о другом. Они же отвечают на выше поставленный вопрос об источнике средств для ведения войны.

Военный бюджет за 5 лет до войны (1908—1912) отнял у России 14 миллиардов рублей. На войну же израсходовано около 40 миллиардов или 33% довоенного национального дохода (120 мрд.). Первый год войны стоил 5,3 мрд.,

---

[1]) Чем дальше, тем меньше они вынуждены сомневаться в этом (*Я. Р.*).

второй—11,2 мрд., третий—18,6 мрд.[1]) (из речи Прокоповича на государственном совещании 12 августа 1917 г.)[2]).

Эту громадную сумму царское правительство покрывало из следующих источников: из повышения налогов, займов и эмиссий (выпуска бумажных денег).

Что касается налогов, то о них всерьез говорить не приходится. Если возьмем прямые налоги, то достаточно привести пример провалившегося закона о налоге на военную прибыль, чтобы убедиться в том, как самодержавие щадило своих капиталистов от налогового бремени.

Таким образом, основными источниками доходов остались внутренние и внешние займы и бумажная эмиссия.

Что касается соотношения между внутренними и внешними займами, то здесь мы находим у Прокоповича следующие цифры. На внешнем рынке помещено для военных расходов 17%, на внутреннем—83%. Это говорит о том, откуда брались деньги на войну. Зная „щедрость" господ капиталистов, легко понять, что внутренние займы покрывались из средств трудящихся масс. Вместе с налоговым прессом, давившим последних, усилился нажим на их карманы для покрытия внутренних займов. Это покрытие шло за счет бюджета рабочего и крестьянина, за счет приобретения ими предметов первой необходимости.

Если посмотреть на второй источник доходов, на денежную эмиссию, то получается следующее.

У того же Прокоповича мы находим указание, что количество выпуска бумажных денег к моменту падения Временного Правительства увеличилось в 8 раз.

В связи с таким сильным увеличением эмиссии, замечалось быстрое падение номинала рубля, что выразилось—наряду с другими факторами—в сильнейшем росте дороговизны.

Рост цен на товары выражается в следующих цифрах: в первый год войны цены выросли на 31%, во второй—на 85%, на третий год они выросли до рекордной цифры—148%.

---

[1]) Остальные 4,9 миллиарда относятся повидимому к концу империалистической войны (*Я. Р.*).

[2]) Прокопович.—„Война и народное хозяйство", стр. 164.

Указанные цифры экономиста, стоявшего, как известно, горой за войну, выявляют картину, за чей счет вел войну царизм вместе с капиталом.

Война велась за счет широких народных масс, за счет сокращения их бюджета, потребления, за счет выколачивания скромных сбережений у мелкого обывателя.

Тов. Сарабьянов приводит следующие цифры об эмиссии, ценах и государственном долге (в книге „Экономика и экономическая политика СССР“, стр. 69):

На 16 июля 1914 г. находилось в обращении 1,6 миллиарда бумажн. рубл., а на 1 марта 1917 — 9,9 мрд. руб. т.-е. бумажная масса увеличилась в 6,2 раза.

Индексы цен	По Москве	По 39 губ. России
1913—1914 г.	100	1,0
Апрель 1917 г.	333	2,42

Государственный долг по займам

НАЗВАНИЕ ЗАЙМА	Когда заем выпущен	Сумма к покрытию в мил. доллар.	На душу населения в долларах
1-й военный	сентябрь 1914	257	1,4
2-й „	март 1915	257	1,4
3-й „	май 1915	515	2,8
4-й „	ноябрь 1915	515	2,8
5-й „	февраль 1916	1.029	5,6
6-й „	октябрь 1916	1.544	8,5
7-й „	март 1917	2.058	11,3

Финансовая политика царизма таким образом увеличивала налоговый пресс, содействовала падению покупательной способности рубля, стимулировала рост дороговизны, вы-

зывая бешеную спекуляцию предметами первой необходимости. К концу войны, особенно благодаря буржуазной политике Временного Правительства, имеется налицо сильнейшее финансовое расстройство, служащее показателем полнейшей хозяйственной разрухи, созданной империалистической войной. Перед лицом этих фактов исчезает легенда о финансовой разрухе, созданной советской властью, которая, наоборот, успешно ведет борьбу с финансовым хаосом, доставшимся ей в наследство от капитализма.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

С самого начала войны в промышленности наблюдались два процесса: 1) увеличение военной продукции и 2) уменьшение производства предметов мирного потребления. Целый ряд предприятий был переведен на военное положение.

Но все же, если взять процесс развития промышленности в целом, замечается довольно сильное ее сокращение.

Уже к началу 1915 г. число предприятий по империи сократилось на 8,4% („Известия Московского Военно-Промышленного Комитета").

МЕТАЛЛУРГИЯ

Металлургия, как известно, является основой всей промышленности. Ее рост или падение характеризует собой такие же явления и в других отраслях. Железо и сталь— основа всякой крупной промышленности. Что же здесь наблюдается?

У нас имеются о первом периоде войны сведения, характеризующие состояние железнодорожной промышленности на юге России. Оно рисуется в следующем виде.

Выплавка чугуна

1914 г.—186.216 тысяч пудов	Уменьшение на
1915 г.—167.671 „ „	18,545 п. или 10%

Производство литого полупродукта

1914 г.—171.355 п.	Уменьшение на
1915 г.—151.575 п.	19.780 п. или 11 %.

Производство готовых прокатных изделий

1914 г.—144.997 п.	Уменьшение на 17.030 п. или
1915 г.—127.967 „	11,7%[1].

---

[1]) „Торговля и промышленность" 1915 г.

Если еще принять во внимание сокращение привоза железа и стали из-за границы, то здесь становится вполне ясно, что железоделательная промышленность переживала сильный кризис, выразившийся в падении производительности труда, в сокращении производства железа. „Железа не хватает, его едят как сахар",—так жаловался один из деятелей Военно-Промышленного Комитета Хрущов.

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Наибольший кризис во время войны переживал угольный рынок. Особенно чувствительным оказался этот кризис на военном деле, поскольку от угля зависит правильная работа транспорта. А роль транспорта во время войны достаточно известна.

До войны в Россию ввозилось каменного угля до 500 милл. пудов. Уголь ввозился по трем границам: балтийской (65%), западной сухопутной (27%) и черноморско-азовской (5%). С возникновением войны почти прекратился привоз угля по двум первым границам. Таким образом, русский рынок лишился $^1/_5$ потреблявшегося здесь угля. Надо также принять во внимание отторжение домбровского угольного района, имевшего некоторое значение в снабжении углем. Таковы внешние факторы, влиявшие на резкое сокращение запасов угля и приводившие к хроническому расстройству снабжения им промышленности, железных дорог и частных потребителей.

Главным угольным резервуаром остался Донецкий басейн. Но здесь наблюдался целый ряд явлений чисто экономического свойства, мешавших полной нагрузке и высокой производительности труда Донбасса.

Прокопович в своей книжке приводит ряд данных, характеризующих разруху в Донбассе.

Так, понижение производительности труда выражалось:

1915—16 г.	7,4%.
1916—17 г.	24,3%.
4 месяца революции .	45,2% [1]).

[1]) „Война и народное хозяйство", стр. 172.

Выработка на одного рабочего снизилась до 45% довоенного.

Одной из главных причин низкой производительности российской кочегарки явился уход рабочих в деревню. Уход этот в свою очередь обусловливался двумя причинами: недостатком рабочих рук в деревне ввиду мобилизации, с одной стороны, низкой заработной платой и скверными жилищными условиями в Донбассе—с другой.

С углем замечалось следующее явление, прекрасно обрисовывающее всю тяжесть положения. Потребность в угле все увеличивалась, транспорт поглощал все большее количество угля, а добыча угля все уменьшалась.

Так, по данным совета с'ездов горнопромышленников юга России и харьковского горнозаводского комитета, ежемесячный дефицит угля за первые 10 месяцев войны выражался в 15 милл. пудов. Не говоря уже об удовлетворении внутреннего потребительского рынка, который снабжался очень скверно, и снабжение которого сократилось до минимума, вся работающая на угле промышленность переживала хронический кризис.

Общий годичный дефицит угля в первые годы войны, по данным проф. Кафенгауза, выразился в 530—580 милл. пудов угля.

Приведу 2 таблички, характеризующие добычу угля в разных частях России:

Урал	1914 г.	5.559 т. п.	Уменьшение на 339 т. п., или 5,6%
„	1915 г.	5.220 „ „	
Кавказ	1914 г.	4.084 т. п.	Уменьшение на 296 т. п., или 5,2% [1]).
„	1915 г.	3.788 „ „	
Донбасс	1914 г.	1.557,53 т. п.	Уменьшение на 92 т. п.[2]).
„ 1914—июль по май	1915 г.	1.465,21 „ „	

Если мы посмотрим на положение угольного рынка в 1917 г. при Временном Правительстве, то увидим еще большее падение добычи. По данным „Известий Военно-

---

[1]) См. ст. Фомина в „Трудах совещания по дороговизне имени Чупрова".

[2]) Кафенгауз.—„Труды совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии", стр. 284.

Промышленного Комитета", в первой половине 1917 г., в сравнении с тем же временем 1916 г., добыча упала на 26%.

В том же номере 77 „Известий" имеется описание положения с углем за то же время.

> „В Харькове, в административном центре Донецкого района, в конце февраля и в начале марта исчез уголь. Возникла опасность, что из-за недостатка угля будут вынуждены остановиться целые предприятия, и при том такие, как городские трамваи".

Какую роль в этом сыграли капиталистические организации, как „Продуголь", мы еще увидим в другом месте.

Мы имеем сведения из речи министра Прокоповича, сказанной им на государственном совещании в Москве 12 августа 1917 г. Он округлил цифру падения добычи угля к августу 1917 года до 50%.

Таким образом, из анализа состояния угольной промышленности видно, что на наиболее важном в военное время хозяйственном фронте, от которого в значительной степени зависит правильная доставка войск на фронт и работа наиболее важных предприятий, царизм терпел поражение. Причины здесь были двоякие: общая разруха, вызванная нарушением всего нормального хода развития промышленности, а также неумение царизма справиться с последствиями затеянной им войны.

НЕФТЬ

Нефтяная промышленность, так же как и угольная, переживала падение добычи, причем на бакинских промыслах наблюдалось не только падение добычи, но и прогрессирующее уменьшение бурения.

По данным „Нефтяного дела", за $^{1}/_{4}$ 1916 г. добыча нефти в бакинском районе в сравнении с 1915 г. упала на 13,2%. Царское правительство пыталось выйти из этого положения путем организации новых промыслов на Апшеронском полуострове. Характерно отношение нефтяных промышленников к этому проекту министерства торговли и промышленности. В записке бакинских нефтепромышленников указывается, что устройство казенных промыслов на Ап-

шеронском полуострове тяжело отразится на бакинской нефтепромышленности, так как, мол, „частная промышленность, работающая на истощенных площадях, окажется в состоянии постепенного вымирания". Более того, по их мнению, министерский проект создает угрозу не только бакинской, но и всей нефтяной промышленности России.

Так боялись нефтепромышленники конкуренции, угрожавшей их прибылям, и так они заботились об отечестве. Но это мимоходом. Нефтяная промышленность находилась в состоянии депрессии, и никакие министерские проекты, вырабатывавшиеся в бюрократических царских канцеляриях, не могли ее поставить на ноги.

ТРАНСПОРТ

Война вызвала сильнейшую транспортную разруху. Несмотря на то, что самодержавный режим долго готовился к войне, несмотря на сооружение целого ряда стратегических линий, Россия с самого начала войны оказалась перед фактом сильнейшего расстройства транспорта, повлекшего за собой целый ряд кризисов и приведшего к почти полной дезорганизации хозяйственной жизни. Все это об'ясняется режимом, существовавшим в министерских канцеляриях, особенно в министерстве путей сообщения, которое получило в последние годы название „рухловщины", по названию главы этого ведомства Рухлова. Это был режим подкупов и взяток. Последние процветали не только на низших ступенях бюрократической лестницы, но и наверху, и даже особенно там. В области постройки ж.-д. линий отсутствовал всякий план, построенный на основе хозяйственных нужд страны. Ведомство руководилось при этом правилом: „сколько кому достанется". В результате всего этого уже с самого начала войны выяснилось, что транспорту не удастся справиться с задачами, стоящими перед ним, как в области доставки войск на фронт, так и обслуживания продовольственных нужд последнего, доставки сырья и топлива для промышленности, не говоря уже о потребностях населения.

Вот цифры, характеризующие падение грузооборота по водным системам.

Было перевезено в миллионах пудов [1]).

БАССЕЙНЫ	1913 г.	1916 г.	В % отношении к 1913 г.
Волжский	1.587	1.237	78
Мариинский	465	371	80
Северо-Двинский	250	139	56
Днепро-Бугский	350	160	46
Донской	41	39	95

Как раз по наиболее важным для военных операций водным системам — Северо - Двинской и Днепро - Бугской имеется наибольшее падение перевозок. Железнодорожный транспорт сразу был загружен военными перевозками. По данным „Известий Военно-Промышленного Комитета“, выдача вагонов для воинских целей в 1913 г. составляла в сутки— из 379 т.—40 т. вагонов, или 10% общего числа; во втором полугодии 1914 г.—из 396 тысяч было выделено 127 тысяч.

Нагрузка оказалась довольно обременительной для транспорта. Вокруг перевозок сразу создалась атмосфера, которая не давала транспорту работать нормально. Начались всякие чрезвычайные непродуманные меры, в конец расстроившие транспорт. По мере развития военных действий, разруха на транспорте все усиливалась и привела в какое-то паническое настроение всех соприкасавшихся с ним. Наиболее дезорганизующее влияние имело расстройство транспорта на топливный, сырьевой, а в дальнейшем—продовольственный вопрос. Транспорт стимулировал разруху промышленности, а не помогал ее изживанию.

Возьмем вопрос о перевозке топлива, имеющий первостепенное значение для промышленности. По данным „Изве-

---

[1]) Сарабьянов.—„Экономика и экономическая политика СССР“, стр. 63.

стий В.-П. К.“, в январе 1916 г. потребителями угля было затребовано 346 милл. пудов этого продукта, а погружено железными дорогами 117 милл. пудов, в феврале затребовано 292 милл. п., назначено к погрузке 142 милл., а погружено 93 милл. пудов.

Здесь наблюдается хроническая недогрузка угля, гибельно отражавшаяся на состоянии промышленности.

С сырьевым и продовольственным вопросами дело обстояло не лучше.

Следствием сокращения перевозок для нужд промышленности явилось сокращение производства на многих предприятиях и даже остановка некоторых. На ряду с этим продукция, вырабатывавшаяся на предприятиях, тоже не могла быть вывезена. Это приводило к загруженности складов, к расстройству снабжения страны продуктами промышленности. Поглощение транспорта военными перевозками приводило к почти полному сокращению коммерческого и пассажирского движения.

В области продовольственных перевозок состояние транспорта приводило к оторванности производящих районов от потребляющих, что, в свою очередь, влекло за собой неравномерность цен в отдельных районах и дороговизну.

Пытались ли руководители ведомства путей сообщения облегчить положение транспорта? Да, такие попытки были, но благодаря непланомерности действий они приводили постоянно к неудаче и еще больше расстраивали железнодорожную сеть.

Правительство пыталось создать плановую работу транспорта путем организации различных междуведомственных комиссий, распорядительных комитетов и др., но это ни к чему не приводило. Была создана так называемая разрешительная система перевозок, которая не только не облегчила положения транспорта, но совсем затормозила его.

Во всех этих попытках видна одна основная бюрократическая тенденция—регулировать перевозки из глубины министерских канцелярий, в то же время оставляя финансовую и экономическую мощь в руках частного капитала. Все эти попытки приводили при указанных условиях к усилению системы взяточничества, подкупов, „толкачей“, которые в конец расстроили транспорт.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС

С первого взгляда может показаться странным положение, что именно Россия, до войны вывозившая больше полумиллиарда пудов хлеба за границу, житница Европы, как ее иногда называют, больше всего страдала во время войны от продовольственных неурядиц. Несомненно, нельзя всецело отнести расстройство в области продовольствия только за счет неспособности царских чиновников справиться с этой задачей. Здесь были и чисто об'ективные причины, которые заключались в общем падении продукции сельского хозяйства. Но надо считать неоспоримым, что наряду с этим царизм внес в эту проблему массу осложняющих моментов, тормозивших дело налаживания и разрешения продовольственного вопроса.

Это нагляднее всего видно из разбора тех мероприятий, которые практиковались самодержавием в регулировании снабжения армии и населения предметами продовольствия (анализ этих мероприятий последует ниже). Здесь необходимо установить, в общих чертах, основные причины продовольственной разрухи, вытекавшие из самого факта войны.

К причинам экономического свойства, вызвавшим общее повышение цен на предметы продовольствия, можно отнести следующие: 1) увеличившаяся потребность армии в хлебофураже; 2) усиленная эмиссия бумажных денег; 3) увеличение всяких акцизов или увеличение косвенных налогов; 4) транспортная разруха и 5) как один из факторов более частного характера—прекращение продажи водки.

Что касается выпуска денег, то мы выше видели, что он увеличился ко времени падения Временного Правительства, по скромным подсчетам бывшего министра Прокоповича, в 8 раз. Излишне доказывать, как еще быстрее обесценивался бумажный рубль. На одну и ту же номинальную сумму денег до войны можно было купить во много раз больше продуктов, чем во время войны. Обесценение денег дезорганизовало товарообмен между городом и деревней. Благодаря отсутствию твердой валюты, каждый старался накоплять товарные запасы, что приводило к сильному превышению спроса над предложением.

Возросшая потребность армии еще по той причине вызывала усиленный спрос, что здесь требовались большие массы зерно-фуража, притом сразу в большом количестве, а также и потому, что до установления твердых цен интендантство платило за хлеб по более высоким ценам, чем частные лица. Военное ведомство набрасывалось в одном каком-либо районе на продукты, этим вызывая спекуляцию в торговле и расстраивая весь рынок.

Война вызвала громадные расходы, их надо было восполнить из каких бы то ни было источников. Царское правительство могло увеличить налоговый пресс только косвенным обложением. Такова его классовая сущность. Косвенные налоги, естественно, вызывают повышение цен и всецело ложатся на массового потребителя.

Что касается прекращения водочной монополии, ясно, что она должна была отразиться в смысле уменьшения стимула к продаже хлеба у крестьянства, к увеличению его потребления, к накоплению запасов, а также к увеличению спроса на предметы массового потребления.

Но, на ряду с указанными причинами дороговизны, наибольшую роль сыграло расстройство транспорта. Благодаря последнему обстоятельству получилась замкнутость отдельных районов, нуждавшихся в обмене продуктов между собою.

Если попытаться учесть значение всех этих факторов на дороговизну, то можно, хотя и с некоторой осторожностью, пользоваться суммарными цифрами Н. Рожкова в № 8 „Летописи“ 1916 г. Он приводит следующее соотношение различных факторов на повышение цены на рожь в процентах:

1) Удешевление денег—30%.

2) Увеличение налогов и стоимости перевозок—4%.

3) Затруднения в транспорте—40,5%.

Таким образом, бросается в глаза та крупная роль, которую играла транспортная разруха на повышение цен на хлеб.

Продовольственный кризис еще был усилен беженским движением. Так, мы видим обострение продовольственного положения осенью 1915 г., как раз в пору увеличения беженства.

Каково же было повышение цен в самый разгар войны?

По данным В. Громана в „Трудах комиссии по борьбе с дороговизной“, по вопросу о повышении цены на рожь, наиболее массовый продукт потребления, мы имеем следующую картину.

В сравнении с ценами на рожь в прошлые годы до войны, уже весною 1915 г. имеется повышение на 58%. дальше: „Размер цен всех главнейших предметов массового потребления хлебных продуктов достиг к маю 1915 г. 170% средней прошлогодней цены“.

К концу войны, уже ко времени февральской революции, имеется такой скачок цен, который трудно учесть. Начинается полоса голодных выступлений рабочих и работниц, которые являются провозвестниками грядущей революции.

Некоторые факты из мероприятий правительства по продовольственному делу показывают, насколько остро стоял продовольственный вопрос и как бессильно было правительство, сохраняя нетронутой основу частно-капиталистической экономики, изжить всякого рода кризисы.

Если взять вопрос о мясе, то здесь бросается в глаза картина сильного падения производства мясных продуктов, на ряду с крупнейшим ростом потребления мяса.

Правительство дошло в своем рвении бюрократическим путем регулировать продовольственный вопрос до того, что прибегло к такого рода несвойственным ему приемам, как установление предельных цен на скот, что как будто бы должно было сильно ударить по карману скотопромышленников. Пришлось даже прибегнуть к реквизиции скота. И это не помогло, так сильно было противодействие мясопромышленников. К середине 1916 г. мясной кризис дошел до крайних пределов (конечно, не для привилегированных классов, имевших возможность в столичных ресторанах получать изысканные мясные блюда), и за это дело пришлось даже взяться законодательному учреждению империи—Государственной Думе. 31 мая 1916 г. был принят Думой знаменитый проект об установлении трех мясопустных дней в неделю.

Такое же положение было и с сахаром. Несмотря на то, что до войны в России не было недостатка в сахаре, который даже вывозился в громадном количестве, сахарный

кризис во время войны чувствовался очень остро. Правительство здесь испробовало все меры к налаживанию сахарного рынка, но ничто не помогало. Был создан институт уполномоченных по закупке сахара, были установлены твердые цены на сахар, а сахарный кризис все усиливался. Правительство дошло даже до такого решения, как создание единого централизованного аппарата по регулированию сахарного рынка. 20 января 1916 г. был учрежден так называемый Центросахар, который должен был об'единить все закупочные операции по сахару и заменить разрозненные действия уполномоченных. Но, по свидетельству одного из участников чупровской комиссии по борьбе с дороговизной, А. Г. Кина, это мероприятие не устранило сахарного кризиса. Причина заключалась в неравномерном распределении сахарных запасов между отдельными районами благодаря плохому подвозу, а также в неурегулированности нормы потребления. Зажиточные слои населения имели возможность всяческими путями добывать сахар в то время, когда широким народным массам города и деревни не выдавали сахару в течение долгого периода времени. Бюрократический аппарат царской власти потом даже додумался до карточной системы, но и она также не удалась, о чем речь будет ниже. Важно только подчеркнуть, что все органы регулирования, создававшиеся царской властью, быстро превращались в орудие промышленников, которые использовали эти органы для увеличения своих доходов, ставя тем самым страну в бедственное положение. Попытка введения сахарной монополии характеризует бессилие правительства в деле устранения кризиса. А. Иноходцев в № 4 „Русских Записок" за 1915 г. рассказывает о том, как киевский губернатор М. А. Суковкин хотел провести сахарную монополию и был одно время даже поддержан частью сахарозаводчиков. Но когда большая часть последних раскусила, чем это для них пахнет, они на одном из совещаний в Петрограде подняли такой протест против проекта монополии, что правительство испугалось и пошло на попятную, тем самым провалив проект Суковкина.

Все вышеобрисованное показывает, как обострился продовольственный кризис в стране, затрагивавший снабжение не только мирного населения, но и действующей армии.

Правительство вынуждено было время от времени делать хотя и слабые попытки облегчить непрерывные кризисы. Этим оно шло частично против частных интересов капиталистов, что вызывало их противодействие и обрекало все попытки царизма, зависящего от капитала, на неудачу. Так царизм барахтался все время между интересами государства и интересами кучки капиталистов.

СПЕКУЛЯЦИЯ, ТОРГОВЫЙ ХАОС

На ряду с глубокими экономическими причинами, обусловившими рост дороговизны и продовольственную разруху, большое значение имели спекуляция и сильнейший торговый ажиотаж, который к концу войны принял такие грандиозные размеры, что даже царское правительство вынуждено было начать „борьбу" со спекуляцией в виде облав полицейских на кафе и рестораны, обыкновенно кончавшихся высылкой нескольких еврейских спекулянтов из столицы. Излишне говорить, что причина спекуляции была более глубокая и что такими мерами трудно было достигнуть каких-нибудь положительных результатов в борьбе со спекуляцией. Основная причина спекуляции лежала в той экономической роли, которую играла частная торговля во всей системе снабжения армии и населения предметами первой необходимости, а также в том организационном хаосе, который существовал в правительственном аппарате снабжения. О системе мероприятий и о борьбе вокруг них будет речь особо.

Раньше всего, если и были попытки в смысле воздействия административным путем на снабжение, то все эти мероприятия больше всего направлялись в область рынка. Они захватывали обмен, но мало касались производства, поскольку там хозяевами положения, несмотря на некоторую видимость „регулирования", оставались синдикатчики, как, напр., „Продамета", „Продуголь" и т. д.

Производство регулировалось классом крупных капиталистов, и самодержавное правительство, как только пыталось сунуть туда нос, получало сильнейший отпор. Это противоречие становится особенно ясным, если бросить взгляд на работу военно-промышленных комитетов, где крупная буржуазия свила себе прочное гнездо.

Нельзя было себе ставить задачи регламентации цен на рынке для торговцев, не регулируя в то же время цен на предметы промышленности, не ограничивая аппетитов самих промышленников.

Что касается второй причины—неналаженности правительственного снабженческого аппарата, то здесь сказалась еще большая половинчатость правительственных мероприятий. Правительство занималось закупкой продовольствия для армии, выделяя для этого специальных уполномоченных. Рядом же с ними существовали закупочные органы городских и общественных организаций, которые все время вели борьбу с уполномоченными по снабжению армии. Последние, не имея определенного плана, действуя от случая к случаю под влиянием военной необходимости, вносили сумятицу, хаос в закупочные операции. Они издавали распоряжения и приказы о запрещении вывоза из одной губернии в другую, в результате чего получалось то, что в производящих губерниях накапливались громадные запасы продовольствия в то время, когда другие губернии голодали. Число таких уполномоченных по закупке зерно-фуража доходило до 200 человек. На первом плане стояли, естественно, интересы армии, население было предоставлено себе и попадало в лапы хищным акулам спекуляции.

На хлеб и предметы продовольствия бросались эти уполномоченные с остервенением, приводя рынок в нервозное состояние, взвинчивая цены и этим давая пищу спекуляции. Стало быть, в самой начальной стадии регулирования, когда еще не было ни системы твердых цен, ни карточной системы, служивших показателем острого продовольственного кризиса, уже замечалась полнейшая разлаженность продовольственного аппарата, только усиливавшая спекуляцию.

Торговцы предметами первой необходимости наживались не только на частном потребителе, но и на казне.

Имеется пример, приведенный московской казенной палатой, о спекуляции и барышах московских скотопромышленников и мясоторговцев. Так, торговая фирма в Москве „Буров, Зуев и К⁰“, поставившая 250 тысяч пудов мяса для изготовления консервов, только за последние 3 месяца 1916 года получила свыше 500 тысяч рублей чистого барыша.

Вопрос о спекуляции вызывал большие толки между различными группами капиталистов, торговцев и промышленников. Первые взваливали всю ответственность за спекуляцию на вторых, и наоборот.

„Финансовая Газета“, являвшаяся рупором банковских кругов, финансировавших торговую спекуляцию, писала, что во всем этом виноваты-промышленники, взвинчивающие цены на свою продукцию.

А между тем данные говорят, что в этой разрухе виноваты были и те и другие, вкупе с правительственными чиновниками. Банки сыграли очень крупную роль в спекуляции. Они являлись тем живительным источником, которым питались торговцы в своих спекулятивных операциях. Так, в „Русских Записках“ за 1915 г., в статье Борисова, мы находим цифры, рисующие рост банковских операций по ссудам, выданным на спекулятивные цели.

„Совокупное количество ссуд по товарно-капиталистическим счетам банков за время с 1 октября 1914 г. по 1 апреля 1915 г. возросло на крупную сумму в 102.321 т. руб. (398.602 т.—296.821 т. руб.)“.

Банки участвовали в спекулятивной горячке не только косвенно, оказывая широко кредит спекулятивному миру, но и непосредственно выступая контрагентами по купле и продаже товаров.

В „Известиях Военно-Промышленного Комитета“ № 21—22 находим такой факт:

„По донесению петроградской казенной палаты, на искусственное поднятие цен на жизненные продукты весьма вредное влияние оказывает деятельность банков, которые закупают всякие нескоропортящиеся товары, хранят их в кладовых и выпускают на рынок малыми партиями по высокой цене“.

На ряду с банками имелись организованные крупными торговцами синдикаты, которые являлись хозяевами на рынке, колебали всякие сверху установленные цены и держали рынок под своим влиянием.

Все указанные факторы, обусловившие сильную спекуляцию предметами широкого потребления, на ряду с неу-

мелой бюрократической политикой царского правительства, приводили к настоящему торговому хаосу, дезорганизовывали снабжение предметами продовольствия как армии, так и населения, и вызывали хронический продовольственный кризис в стране. Распад всей капиталистической системы свободной торговли, усиленный полицейско-бюрократическими мероприятиями правительства, здесь еще более сказался, чем в остальных областях хозяйственной жизни.

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ ВОЕННОГО ПЕРИОДА

БОРЬБА С ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАЗРУХОЙ

Война и ее экономические последствия поставили перед целым рядом государств проблему так называемого государственного капитализма. Какое было экономическое, политическое и социальное его происхождение, об этом уже писалось, и не место об этом здесь распространяться. Можно в общем сказать, что государственный капитализм эпохи войны есть завершение системы монополистического капитализма, когда финансовый капитал получает наиболее концентрированную форму и сливается экономически и политически с капиталистическим государством. Внешне получается, как будто бы государство подчиняет себе капитал и всю его экономическую структуру. На самом деле происходит как раз обратное. Финансовый капитал экономически подчиняет себе государство и в лице своих организаций, совместно с государственным аппаратом, составляет могущественный концерн, управляющий экономической жизнью страны.

Свою наиболее законченную форму государственный капитализм эпохи империалистической войны получил в Германии, стране с наиболее высокой техникой, со сплоченным классом капиталистов и крупнейшей и, казалось бы, прочнейшей бюрократической государственной машиной.

На ряду с общей причиной роста тенденции капитализма к сращиванию государственной власти со всей системой

капитализма, здесь сыграли крупную роль специфические условия военного времени, требовавшие от государства мобилизации всех ресурсов страны и их напряжения до последней степени. Фактическое сосредоточение власти в руках военных кругов, во главе с кайзером, привело в Германии к созданию глубоко централизованного государственного аппарата регулирования хозяйственной жизни страны, к созданию единого, так называемого, ведомства военного хозяйства (Kriegswirtschaftsamt).

Регулирование в Германии вначале шло по линии распределения и обмена, выразившись в налаживании продовольственного рынка, в установлении твердых цен и регламентации потребления (карточная система). Но логически на этом дело не могло остановиться. Связь обмена и распределения с производством должна была сказаться, и Германия к началу 1917 года переходит к регулированию промышленности.

Мы отсылаем интересующихся вопросом о государственном капитализме в Германии к интересным брошюрам М. Лурье (Ю. Ларина) о германском народном хозяйстве. Здесь только необходимо для того, чтобы понять природу государственного капитализма буржуазной формации, привести мнение закоренелых сторонников „нормального“ капитализма, которые вынуждены были под влиянием необходимости согласиться с государственным регулированием и даже договориться до государственной монополии. М. Лурье приводит в своей книжке „Будущее германского хозяйства“ мнение одного члена рейхстага, по фамилии Панике, „ярого сторонника свободной торговли“.

> „Мы стоим перед эпохой монополии,—сказал указанный депутат рейхстага на заседании последнего 11 мая 1915 года,—мы принуждены освоиться с отказом от известных сомнений, какие питали раньше. Здесь говорит необходимость свое железное: это должно быть, и это будет“.

А вот мнение о государственной монополии наиболее крупного органа германских банков, „Ди Банк“, в апрельской книжке 1915 г.:

„Острые принципиальные противоречия, которые относительно монополии разделяли мнения до войны, исчезли через ночь. Почти все считаются с близким осуществлением проектов о спиртовой, керосиновой, электрической, спичечной, быть может также угольной, соляной, каменной, табачной и страховой монополии".

Где корень всего этого? Капиталистический мир под влиянием войны пришел к тому убеждению, что без некоторых, может быть стеснительных, мероприятий с точки зрения отдельных капиталистов, нельзя сохранить основы господства класса капиталистов, нельзя выиграть войну. Этот факт стимулировался самим ходом войны, которая требовала—при общем падении производительных сил—строжайшей экономии, централизованной регулировки, хоть частичного устранения бешеной конкуренции, а главное—мобилизации промышленности для целей войны. Наиболее целесообразным и исторически правильным с точки зрения марксизма было бы организовать на социалистических началах хозяйство, которое взяло бы самое здоровое из системы государственного капитализма. Но для этого нужна социальная революция, на что буржуазия, конечно, не может пойти.

Удалось ли капитализму использовать систему так называемого государственного капитализма для устранения разрухи? В Германии, можно сказать, он себя во многом оправдал. При условии наступления на Германию целой коалиции держав и почти полной блокады, ей все же удалось держаться долго и даже одерживать крупные победы.

Что касается России во время войны, то здесь были специфические условия, мешавшие положительным результатам системы государственного регулирования. Сравнительная политическая слабость нашей буржуазии, отсутствие у последней организационных способностей немало повлияли на крах государственного капитализма в России. Но самой глубокой причиной таких результатов послужили политические и социальные условия, в которых тогда находилась империя, с самодержавно-бюрократическим правительством и с безнадежно негодным административным аппаратом.

Посмотрим же, что же делалось в России для мобилизации народного хозяйства во время войны.

МОБИЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА

Так называемая мобилизация промышленности явилась следствием падения производительных сил капитализма под влиянием войны и попыткой буржуазии противопоставить этому распаду начало организации народного хозяйства на капиталистической основе. Здесь замечался двуединый процесс, который на первый взгляд кажется логическим противоречием, но такого рода противоречия свойственны капитализму, который весь соткан из противоречий. Империалистическая война есть результат антагонизмов капиталистических держав, достигших максимального расцвета производительных сил. Таким образом, война сама есть выражение быстрого роста производительных сил. Но именно война больше всего и вызывает падение производительных сил, именно она то и разрушает накопленное до сих пор в рамках капиталистического строя. На ряду с этим, война как раз и требует напряжения производительных сил, что приводит, согласно определению т. Бухарина, к отрицательному расширенному воспроизводству.

Война на первый взгляд даже повышает рост производительных сил, приводя в дальнейшем к быстрому их разрушению.

Это есть основная об'ективная причина, заставившая даже такой отсталый капитализм, как русский, пытаться организованно наладить народное хозяйство. Мы ниже увидим, почему эта попытка не могла увенчаться и не увенчалась успехом.

Таким образом, мобилизация промышленности была результатом войны, потребовавшей приспособления промышленности к военным нуждам. Разруха народного хозяйства в России сразу дала себя почувствовать. Знаменитые неудачи на фронте в 1915 г., когда оказался сильнейший недостаток в снарядах, подхлестывал как буржуазию, так и правительство к введению необходимых мер централизации и регулирования народного хозяйства. Как буржуазия, так и самодержавие неохотно шли на указанные мероприятия, но логика событий с неумолимой беспощадностью заставляла это сделать.

А потом верхи буржуазии почувствовали, что мобилизация дает им козырь в руки, с одной стороны,—для зашибания крупных барышей, с другой—для подготовки сил в борьбе за власть. Но был еще третий фактор „патриотического под'ема" буржуазии при лозунге мобилизации, чисто социального характера. Мобилизация давала в руки капиталу орудия закабаления рабочих под флагом „защиты отечества" и „все для войны".

Наилучшим образом формулирует задачи мобилизации народного хозяйства орган Рябушинского „Утро России" от 23 июня 1915 г.:

„Надо, не медля ни одной минуты, мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только к нуждам войны. Требования рынка и частного обихода должны быть поставлены на задний план, и каждое предприятие, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и машинами с тех фабрик, где нет работы для обороны.

„Все рабочие должны быть мобилизованы[1]), приведены на военное положение и прикомандированы в те предприятия, где они нужны, так как в такое время работа у станка или при машине так же ответственна и нужна, как часовой на передовых позициях".

Программа—вполне ясная и выдержанная с точки зрения капиталистических вожделений. Все для войны, ибо от этого зависит на целый исторический период благополучие капитала, что обеспечит буржуазии достаточные прибыли. А пока рабочие должны быть скручены в бараний рог, позиции капитала в борьбе с трудом должны быть непременно усилены.

Мобилизация капитала, таким образом, имела многосторонние цели, сводившиеся к борьбе на два фронта: более мягкая и соглашательская—с самодержавием, более классово острая и беспощадная—с рабочим классом.

Какие же средства организованного характера необходимы были для планомерной мобилизации промышленности?

---

[1]) Подчеркнуто мной. (*Я. Р.*)

Ясно само собой, что, раз речь идет о подчинении всей мобилизационной работы одной цели, здесь необходимо централизованное руководство, нужна правильная организация, и поэтому буржуазия на время вынуждена была отказаться от своих освященных традицией частной инициативы и почина, бешеной конкуренции, борьбы всех против всех. Так ли было на самом деле, отказалась ли буржуазия от всех своих вековых традиций? Факты показывают другое. Несмотря на некоторое вынужденное отступление, буржуазия все же не могла поступиться своими основными принципами. Мы видим, как, выбрасывая лозунг мобилизации, буржуазия имеет задние мысли, начинает с самого начала проводить половинчатую политику на том пути, который ею самой же намечен.

Вот мнение одного из идеологов капитализма, небезызвестного С. Марголина, на страницах ежегодника „Речи" за 1915 г.:

> „Однако,—пишет он,—впоследствии пришлось отказаться от такого упрощенного понимания идеи мобилизации промышленности и признать, что „все для войны" не значит „ничего для тыла", что организованный тыл представляет такую же существующую необходимость в деле обороны страны, как и организация снаряжения для непосредственных нужд войны, *что свободная промышленность, опирающаяся на принципы личной инициативы и свободной предприимчивости, скрывает в себе больше творческих сил, более действенных, чем промышленность, находящаяся под режимом принуждения и внешней регламентации*"[1]) (страница 473).

Из этой цитаты видно, что капитал быстро переменил позиции. Никакая мобилизация не должна стеснять предпринимателя, не должна нарушать его самостоятельности в распоряжении предприятием и доходом, получаемым от него. Такова мудрость буржуазного идеолога. А что это может итти во вред самой мобилизации, которая об'ективно

[1]) Подчеркнуто мной. (*Я. Р.*).

должна привести к мысли о более совершенной организации промышленности, чем частно-капиталистическая, это уж вопрос иного порядка и необязательно для него. Здесь идеолог буржуазии не сводит концов с концами. Буржуазия сама испугалась своих слов и поспешила перевести их на обычный капиталистический жаргон. Таковы выводы из основной позиции капитала.

Что касается самодержавия, то оно было охвачено паникой и после того, как с'езд представителей торговли и промышленности, происходивший в Петрограде 26—29 мая 1915 г., бросил лозунг организации военно-промышленных комитетов, правительство вынуждено было пойти на уступки, с первых же шагов начиная брать реванш чисто полицейско-бюрократическими мероприятиями.

Если взять отношение к мобилизации капитала основной социальной базы царизма—дворянства, то оно выразилось в том, что наиболее яркий представитель его интересов Валяй-Марков впоследствии заявлял в Государственной Думе представителям военно-промышленных комитетов: „Вы не дали ни одной пушки" [1]).

Таким образом, идея мобилизации промышленности, несмотря на то, что с первого взгляда являлась общей идеей, сплотившей все господствующие классы империи, поскольку

---

[1]) Надо указать на то, что даже такой сторонник „общественной мобилизации, как проф. Гриневецкий, вынужден был признать слабую эффективность работ военно-общественных организаций. Он пишет „поэтому совершенно естественно, что именно военно-общественным организациям пришлось наиболее отстать в выполнении взятых на себя задач". Он видит значение их в другом:

„Экономическую роль военно-общественных организаций надо ценить не столько по сделанному ими непосредственному сбережению, сколько по задерживающему влиянию, которое они оказали на аппетиты промышленников и „снисходительность" ведомственных учреждений. Роль военно-общественных организаций в создании собственных предприятий также заметна в деле обороны, но должна быть оценена значительно ниже и показала их хозяйственную слабость".

(Проф. В. И. Гриневецкий—„Послевоенные перспективы русской промышленности", стр. 37).

Надо подчеркнуть, что роль общественных организаций сказывалась слабо как на обороне, так и в смысле обуздания промышленников.

они преследовали общие империалистические цели, на самом деле с самого же начала дала трещину. Каждый из социальных элементов капиталистического режима России,—буржуазия, царское правительство, дворянство,—имели свои скрытые цели, которые, потом ставши более откровенными, привели к полной неудаче и всю эту идею превратили в сплошную шумиху, чтобы замаскировать полное банкротство капиталистической системы в России.

Надо еще добавить о разном понимании среди различных имущих классов самой идеи мобилизации промышленности. Выше мы видели, как понимала все это буржуазия, которая мыслила мобилизацию, как совмещение некоторой централизации со свободным почином, со свободным творчеством, как писал Шингарев. Помещичьи же круги понимали мобилизацию, как политическое подчинение всего народного хозяйства, конечно—кроме земли и помещичьих хозяйств, бюрократическо-полицейскому режиму и превращение рабочих в милитаризированных рабов.

Во всеподданнейшем докладе, поданном харьковским губернским земством, об этом определенно говорится.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ

Идея организации военно-промышленных комитетов возникла на указанном выше с‘езде представителей торговли и промышленности в Петрограде. П. Рябушинский внес резолюцию с призывом к промышленникам сорганизоваться. На основании этой резолюции

„с‘езд поручил торгово-промышленным организациям образовать районные комитеты, об‘единяющие местную промышленность и торговлю, для выяснения возможности приспособления наличных предприятий к изготовлению всего необходимого для армии и флота и согласования общей деятельности фабрик и заводов для этой цели. Для координирования всей работы отдельных районов и для согласования этой работы с деятельностью высших правительственных учреждений с‘езд постановил учредить в Петрограде „Центральный Военно-Промышленный Комитет“. Организация этого

комитета была поручена Совету С'ездов торговли и промышленности с тем, чтобы к участию в нем были приглашены представители научно-технических учреждений, от отдельных торгово-промышленных организаций, представители от управления железных дорог и пароходов, представители от всероссийского земства и городов".

В дальнейшем были привлечены и рабочие. Так рисуется организация Военно-Промышленного Комитета. Комитет, таким образом, фактически явился представителем торгово-промышленного мира. Капитал, в лице военно-промышленных комитетов выдвинул свою боевую организацию для мобилизации и сплочения своих сил. Через В.-П. К. буржуазия пыталась найти пути для влияния не только на экономику страны, но и для борьбы с самодержавием за дележ власти, а также для борьбы с пролетариатом.

Уже с самого начала организации В.-П. К. он стал выразителем уже обрисованной выше точки зрения на организацию промышленности. Взгляд этот был ярко выражен на с'езде 25 июля1915. Тот же Марголин рассказывает, как на с'езде было высказано убеждение, что свободный почин промышленных кругов в деле мобилизации промышленности приводит с логической необходимостью к требованию, чтобы им было предоставлено самим, без принудительной регламентации и правительственного вмешательства, исполнить свой долг.

В.-П. К. просуществовал около 2-х лет. В начале революции деятели В.-П. К. даже думали взять на себя политическую роль мобилизации буржуазных сил, что им в значительной степени при Временном Правительстве и удалось. Если посмотреть на об'ем деятельности В.-П. К., то приходится заключить о громадной компетенции и правах его. Задача заключалась, на первый взгляд, в приспособлении промышленности к военным нуждам, а В.-П. К. в дальнейшей своей практической работе подошел фактически к проблеме регулирования всей хозяйственной жизни.

Основной функцией В.-П. К., как это видно из резолюции торгово-промышленного с'езда, должно было явиться посредничество между казной и промышленностью. На деле в первую голову это свелось к тому, что В.-П. К. стал главным распределителем военных заказов. Мы еще будем

иметь возможность ниже коснуться той тяжелой атмосферы, которая создалась вокруг вопроса о распределении заказов. Пока приходится сказать, что распределение заказов привело к тому, что В.-П. К. стал монопольным хозяином последних. Это ему дало громадную могущественную, экономическую силу. На ряду с этим В.-П. К. нес перед правительством ответственность за аккуратное выполнение в срок заказов.

Имея такую основную ответственную функцию, В.-П. К. тем самым являлся заинтересованным в правильной и регулярной работе предприятий, что в свою очередь приводило его к необходимости, в виду расстройства сырьевого рынка и общего недостатка сырья, заняться, как общим регулированием сырьевого рынка, так и снабжением предприятий сырьем. В.-П. К. занимался также снабжением предприятий средствами производства, что приводило его к вопросу об открытии собственных предприятий, а также о налаживании торговых связей с заграницей. Особенно нуждались предприятия в высокого качества станках, измерительных приборах и т. д. В.-П. К. был поэтому заинтересован в выгодной закупке этих инструментов за границей. Исходя из этого, В.-П. К. необходимо было взять на себя регулирование внешней торговли. Предприятия были заинтересованы в правильном снабжении, в нормализации цен на сырьевые продукты. В.-П. К. стал инициатором нормировки цен на сырье и в дальнейшем выдвинул идею мобилизации торговли. В.-П. К. занимался регулированием рабочего рынка, в виду недостатка квалифицированных рабочих. Правильная работа промышленности зависела также от правильного подвоза материалов производства, что крайне заинтересовывало промышленность в работе транспорта. В.-П. К. старался влиять на транспорт, строил под'ездные пути, вагоны.

В.-П. К. интересовался вопросами производительности труда, заработной платы и т. д. и т. п.

Он создавал подсобные себе организации по отдельным отраслям промышленности, вмешивался во все стороны хозяйственной жизни страны.

Из перечня всех этих функций видно, как велик был об'ем деятельности В.-П. К., как он постепенно расширялся и как впоследствии комитет превратился в могущественную

капиталистическую организацию, в дальнейшем старавшуюся влиять на весь ход государственных дел. В.-П. К. в своей деятельности стал органом регулирования промышленности на капиталистической основе, в интересах самого капитала, который видел в нем своего ставленника и защитника.

ОСОБЫЕ СОВЕЩАНИЯ

Организационная структура государственного капитализма была довольно сложной. Она охватывала господствующие элементы страны, с некоторой неудачной попыткой привлечь к мобилизации рабочий класс. Как ни демонстрировалось вначале единение всех „живых сил“ страны, все же сразу было видно, что только господствующие классы сумели организационно оформиться и создать форпосты для защиты своих интересов. Что касается рабочего класса, то так называемая рабочая группа В.-П. К. ни в какой степени не являлась выразительницей интересов пролетариата.

Если для промышленников, торговцев и, вообще, для капиталистических слоев государства, военно-промышленные комитеты с самого начала превратились в боевые экономические органы защиты классовых интересов буржуазии, то правительство и бюрократический мир нашли свои организационные формы в лице особых совещаний по обороне и по различным отраслям хозяйства, как-то: топлива, продовольствия, по перевозкам и т. д. В этих совещаниях отразилось все убожество бюрократического творчества царских чиновников, которые хотели прибрать к своим рукам управление хозяйством,—задача, которая может явиться по силам только классу восходящему—пролетариату, а не слугам царизма. Живое творчество заменялось с самого начала мертвящим бюрократическим произволом без учета обстановки, а главное—без всякого понимания экономической и социальной силы, с одной стороны—промышленной буржуазии, а с другой стороны—рабочего класса.

Сама идея совещания по обороне явилась следствием не продуманного плана управления, а вынужденной панической попыткой как-нибудь реагировать на неудачи на фронте, на отсутствие снаряжения, на разложение и измену военa-

чальников. Можно вполне поверить Жуковскому, представителю Военно-Промышленного Комитета, когда он на с‘езде последних заявил, что организация особого совещания была актом отчаяния перед катастрофой. Надо было найти какой-нибудь выход.

Состав особого совещания по обороне определялся Государственной Думой и утверждался царем. Отчитывалось особое совещание перед этими высшими инстанциями.

Самой крупной силой во главе совещания по обороне был военный министр, по проекту которого оно и было создано. 19 июля 1915 г. военный министр внес в Государственную Думу законопроект об образовании особого совещания, согласно которому военному министру, на ряду с военными полномочиями, предоставляются обширнейшие полномочия в хозяйственной жизни страны.

Функции особого совещания по обороне были довольно обширны. Они сводились к следующему:

> „1) Требовать от предприятий, принадлежащих отдельным лицам, частным обществам, товариществам и иным учреждениям принятия и исполнения военных заказов и поставок преимущественно перед всеми прочими заказами и поставками, а также требовать сообщения особому совещанию всех нужных ему сведений, относящихся к деятельности упомянутых предприятий.
>
> „2) Устранять в необходимых случаях от службы членов правлений, директоров и управляющих как казенных, так и частных заводов и др. предприятий, изготовляющих предметы боевого и прочего материального снабжения армии и флота, с возложением их обязанностей на других, назначаемых председателем особого совещания лиц.
>
> „3) Производить через посредство уполномоченных председателем особого совещания лиц осмотр торговых и промышленных предприятий и требовать от этих предприятий пред‘явления означенным уполномоченным торговых книг и документов, удостоверяющих количество имеющихся у них предметов оборудования, материалов и изделий, а равно и принятия обязательства на приобретение таковых предметов, материалов и изделий или по поставке другим учреждениям и лицам, а также требо-

вать документов означенных лиц к снятию с упомянутых книг и документов копий и к извлечению из них необходимых сведений“.

Мы нарочно привели выдержки из положения об особом совещании, чтобы показать, как широки были его функции, какие крупные права были предоставлены уполномоченным почти единоличного властителя совещания— военного министра, и это— при почти полной бесконтрольной его работе, так как совещание имело только совещательный характер и даже не могло критиковать действия своего председателя.

Права совещания, вернее—его председателя и его уполномоченных, таким образом сводились к контрольно-ревизионным, отчасти и к управленческим функциям. Предприятия, работающие на оборону, были фактически подотчетны ему.

Бюрократия пыталась влиять на ход производства, оставляя в неприкосновенности весь частно-капиталистический порядок, существовавший раньше.

Из состава совещания по обороне выделились уполномоченные—министры отдельных ведомств, которые образовывали в своей отрасли управления свои особые совещания, как топливное, по перевозкам, продовольствия и т. д.

Если посмотреть на работу указанных совещаний, видно, что последние обладают такими же неограниченно широкими полномочиями, как и совещание по обороне.

Напр., особое совещание по топливу имеет право: 1) установления и распределения топлива между потребителями, 2) наложения секвестра на предприятия, 3) назначения общих и частных реквизиций топлива.

Особое совещание по продовольствию:

1) Проверка наличности продовольствия.

2) Реквизиции скота, продуктов, тары.

Особое совещание по перевозкам:

1) Установление принудительного пользования подвижным составом и помещениями.

2) Установление принудительного пользования баржами, пароходами и т. д.

На ряду с особыми совещаниями еще существовали так называемые заводские совещания отдельных одно-

родных предприятий. В их состав входили представители ведомств и промышленников.

Председателями заводских совещаний являлись уполномоченные особого совещания.

Такова общая структура правительственного аппарата по регулированию хозяйственной жизни страны. Здесь нас может интересовать, кто же являлся фактическим хозяином особых совещаний, высших правительственных органов регулирования, и в какой мере буржуазия могла проводить свою линию в этих совещаниях. На основании этих данных можно заключить о действительном „контакте" между буржуазией и бюрократией.

Надо определенно заявить, что с самого начала никакого согласия между так называемыми общественными организациями и правительством в особом совещании не было. Самый характер совещания предопределял подавляющую роль чиновничества в совещаниях. Несмотря на количественный перевес в совещании по обороне представителей общественных организаций (16 на 8 чиновников), за правительственными представителями оставался всегда фактический перевес.

Председатель совещания имел неограниченные права, аннулирующие всякую самостоятельность членов совещания.

Председатель особого совещания мог принять любое решение против согласия большинства членов совещания. Очень часто председатель совещания издавал постановления, даже неизвестные совещанию.

Вся система правительственного аппарата регулирования, начиная с совещания по обороне и кончая местными уполномоченными, была построена так, что она была оторвана от массы не только рабочих, но даже буржуазии. Правительство питало иллюзию, что ему удастся наладить хозяйственную жизнь, ни капли не поступаясь своими неограниченными правами. Оно жестоко просчиталось.

ЗЕМСКО-ГОРОДСКОЙ СОЮЗ

Необходимо упомянуть еще об одной организации общественного типа, которая в процессе войны сыграла крупную роль в системе государственного капитализма. Хотя

надо определенно сказать, что работа земского и городского союзов мало отразилась непосредственно на командных высотах народного хозяйства, особенно промышленности. Дело в том, что земско-городские союзы больше всего работали на фронте по обслуживанию больных и раненых воинов и не могли непосредственно иметь крупное влияние на хозяйственную жизнь страны. Земгор в этом отношении больше всего помогал военно-промышленным комитетам, которые являлись полными хозяевами здесь. Представители же земского и городского союзов входили в В.-П. К.

Что касается социальной подпочвы Земгора, то он, в отличие от военно-промышленных комитетов, которые являлись боевыми организациями крупного капитала, был своеобразным конгломератом неоднородных общественных сил—мелкой и средней буржуазии, либерального дворянства и служилого элемента. В земском союзе большое влияние имели либеральные помещики и крупный служилый земский элемент; в городском союзе группировались городские общественные деятели из буржуазии, либеральные городские профессии, профессора и остальная часть буржуазной интеллигенции. Таким образом, Земгор ярко классового лица буржуазии не имел. Вся работа его проходила под флагом „общественности", необходимости помочь продолжению „народной" войны и т. д. Лозунги—по существу ничем не отличающиеся от чисто капиталистических, но с привкусом либерализма и радикализма. Все это преподносилось в менее откровенном виде, под иным соусом.

Все же, несмотря на всю промежуточность характера Земгора в экономическом отношении, он также сыграл немалую роль в той „мобилизации", которая была провозглашена. Функции Земгора, на ряду с обслуживанием помощи раненым и больным воинам, сводились к распределению заказов на военное снаряжение между мелкими предприятиями, к посредничеству между правительством с одной стороны и мелкой и средней промышленностью—с другой. Земский союз имел также свои собственные предприятия, изготовлявшие предметы военного снаряжения и обмундирования. Земгор обслуживал фронт этим обмундированием,

организуя для этого среднюю и мелкую промышленность, распределяя среди них заказы, снабжая их сырьем, топливом и т. д.

Надо отметить, что земский союз был более реакционен, чем городской. Земский союз понимал мобилизацию, как принудительную милитаризацию. Наиболее характерным в этом отношении являлся упомянутый харьковский филиал земского союза, который подал телеграмму царю о полной принудительной мобилизации промышленности и других мерах, проникнутых тем же духом реакции.

ВОЕННЫЕ ЗАКАЗЫ И БОРЬБА ВОКРУГ НИХ

В вопросе о распределении военных заказов среди промышленников, сказались истинные мотивы мобилизациии промышленности и та роль, которую играли военно-промышленные комитеты, как организации, защищавшие интересы промышленного мира. Заказы во время войны питали мобилизованную промышленность, служили источником громадной военной прибыли, и, естественно, из-за них должна была разгореться борьба между отдельными группами промышленников.

Какую важность имел вопрос о заказах в деятельности В.-П. К., можно видеть из статьи, опубликованной в № 2 „Московского Военно-Промышленного Комитета“. Там говорится:

> „Распределение военных заказов между отдельными производствами имеет огромное практическое значение и является весьма серьезной задачей в деятельности В.-П.К. и общественных организаций, принимающих участие в снаряжении армии“ (стр. 7).

Такого же мнения придерживался П. Рябушинский. Причины такой важности военных заказов для промышленников вполне ясны. Заказы дают возможность бесперебойного хода производственного процесса, а также гарантируют субсидии правительства. Дальше стоит вопрос о военной прибыли.

Что касается субсидии фабрикантам и заводчикам, то она выдавалась щедрой рукой в виде авансов. Характерно, что правительство под авансы не получало никакого иму-

щественного обеспечения. Некоторое представление о суммах, выданных В.-П. К. правительством в виде авансов, можно получить из речи В. Поплавского на с'езде земгоров. Он говорит:

„Что касается денежных средств, то в июле нам было отпущено на заготовку предметов поставок для главного интендантства, артиллерийского и военно-технического управления 5 миллионов 500 тысяч руб., особо на финансирование мелкой и средней промышленности.

„В октябре 1915 г. было отпущено дополнительно 1.646.000 р. от главного интендантства и 1.200.000 руб. от военно-технического управления".

Какова же была подготовленность промышленности не только к получению авансовых сумм и субсидий, но и к выполнению заказов? Сами промышленники не отрицают, что они не справлялись с теми заказами, которые давались им правительством в лице интендантства, артиллерийского управления и др. Вот что говорит орган торгово-промышленников „Торговля и промышленность" за 1916 г. на стр. 200:

„С первых же шагов мобилизованная для военных целей частная промышленность столкнулась лицом к лицу с фактом своей крайней неподготовленности к делу военных заказов, очутилась при недостатке, а во многих случаях и при полном отсутствии в своей среде специально-военно-технических знаний и опыта".

А вот и цифровая справка о выполнении заказов:

„На первое февраля 1916 г. было сдано по заказам военно-промышленных комитетов на сумму 2.300.000 руб., составляющих 1% общей цифры распределенных заказов".

Из этих справок видно, как охотно промышленники в лице В.-П. К. получали субсидии от правительства, но и то, как неаккуратно и в малой степени выполнялись требования, пред'являвшиеся потребностями войны к промышленности в области получения военного снаряжения. Промышленность не справилась с задачей, возлагавшейся на нее „обществом". Она, как всегда, больше заботилась о получении прибыли, чем о каких-то национальных интересах, хотя кричала об этом буржуазия на всех перекрестках.

Причины этого кроются, конечно, с одной стороны, в области об'ективной неподготовленности русской промышленности к удовлетворению грандиозных требований войны; но, с другой стороны, здесь сыграла определенную роль и противоположность интересов отдельных групп господствующих классов, которые даже на таком об'единяющем их лозунге, как „война до победы“ не всегда могли столковаться, и групповые интересы отдельных промышленников брали верх над общей идеей.

По вопросу о заказах больше всего борьбы происходило между В.-П. К. и заводскими совещаниями—полуправительственной организацией. Заводские совещания претендовали на полный контроль над военными заказами, исходящими от интендантского управления. Это приводило к частым трениям между ними и В.-П. К. Это продолжалось все время мобилизации промышленности.

ВОЕННАЯ ПРИБЫЛЬ И НАЛОГ НА НЕЕ

Выше уже отмечалось, что военные заказы явились источником крупной военной прибыли, выколачиваемой промышленниками. Заводчики и фабриканты наживались на народном бедствии, крича на всех перекрестках о патриотизме, необходимости жертв и т. п. Война явилась выгодной сделкой для крупной буржуазии, мобилизация капитала только усилила выгоду, приносимую войной капиталу. Мы увидим дальше, как под предлогом „жертв для войны“ буржуазия, наживаясь, ухудшала положение рабочих, занятых изготовлением военного снаряжения, уменьшала реальную заработную плату, стремилась взять рабочих в ежовые рукавицы милитаризации.

Некоторую характеристику роста военной прибыли дают „Известия Московского Военно-Промышленного Комитета“ (№ 2 за 1915 г.), конечно, несклонные преувеличить барыши капиталистов:

„В 1914 г. сумма прибылей по империи возросла с 1913 г. на 55.224 тысячи руб., или на 6,3%.

„В 1915 г. сумма прибылей увеличилась еще более значительно — на 114.632 тысячи руб., или на 12,3% против 1914 г.“.

Таков бешеный рост прибыли буржуазии во время войны. У нас, к сожалению, нет цифр о последующих годах, но можно определенно сказать, что рост прибыли не уменьшался, а увеличивался. Это видно и в период власти Временного Правительства, когда со стороны правительства делались даже покушения с негодными средствами наложить государственную руку на прибыль буржуазии, например,—театральный жест министра труда Скобелева о взятии даже всех 100% прибыли с буржуазии.

Это видно и из речей на 2-м с'езде военно-промышленных комитетов, где один из делегатов говорил о торговой прибыли следующее:

> „Есть представители Москвы и Петрограда, которые едут в глушь, скупают там все и отправляют сюда, чтобы потом опять отправить туда, но взять уже на 100—200% больше".

Царское правительство, чувствуя сильнейший недостаток в деньгах, делало слабые попытки хоть немножко уменьшить аппетиты промышленников, но это ему не удавалось.

Это нагляднее всего показывает проект военного налога на прибыль. Министерство финансов, во главе которого тогда стоял Барк, выработало проект

> „об установлении временного налога (1915—16) на прирост прибыли торгово-промышленных предприятий и вознаграждение личных промысловых занятий и повышении размеров отчислений погашения стоимости некоторых имуществ при отчислении прибылей предприятий, подлежащих обложению процентным сбором".

Буржуазия, в лице своих классовых организаций, сразу всполошилась и подняла целый шум против этого сверхскромного закона, который оставлял львиную долю прибыли в руках заводчиков, фабрикантов и торговцев. Вопрос этот подвергся обсуждению совета с'ездов торговли и промышленности, который постановил следующее:

> „Указать министру финансов, что обложению могут подлежать лишь те предприятия, прибыль которых достигает 10% с основного капитала. Совещание признает далее, что, в случае введения подоходного налога, новый налог на прибыль должен быть заменен соответствующей надбавкой к основному подоходному налогу".

Вопрос о подоходном налоге был музыкой будущего и, конечно, не угрожал непосредственно карманам „патриотов“; поэтому здесь и упоминается для красного словца „подоходный налог“. Интересно, как мотивируют горнопромышленники юга России необходимость провала закона о военной прибыли:

„При таких условиях, по мнению совета с‘ездов (горнопромышленников), налог чрезвычайно сильно угрожает развитию частной предприимчивости и потому нежелателен, как вредящий правильному развитию производительных сил России“ [1]).

Но еще характернее в этом вопросе отношение самого царского правительства и даже самого автора проекта—министра Барка. Последним была принята делегация промышленников, коим он обещал созвать совещание, на котором представители промышленности смогут отстаивать свои доводы относительно необходимых поправок к законопроекту. Министр полагает, что эти доводы будут приняты во внимание, и проект может подвергнуться некоторым изменениям.

Что касается опасения промышленников о приостановлении дальнейшего роста развития русской промышленности благодаря неудачному налоговому бремени, Барк категорически заявил, что

„правительство считает совершенно недопустимым создание такого положения, которое мешало бы дальнейшему росту промышленности и открытию новых предприятий“ (Известия ВПК“ № 24).

Проект все же провалился в совете министров благодаря давлению промышленников. Дальше говорится об этом:

„Совет министров постановил отложить окончательное рассмотрение проекта министерства финансов впредь до рассмотрения названным министерством поступивших по этому вопросу от торгово-промышленных организаций соображений и заключений по существу“ [2]).

---

[1]) Подчеркнуто мной (*Я. Р.*).
[2]) Подчеркнуто мной (*Я. Р.*).

Мы нарочно привели все эти выдержки, чтобы показать все лицемерие буржуазии, спекулировавшей в вопросах мобилизации промышленности лозунгами отечества, а на деле боявшейся и противодействовавшей всякому малейшему посягательству на ее крупные барыши, под предлогом ущерба производительным силам страны. С другой стороны, необходимо было показать всю слабость царского правительства в области экономических мероприятий, в какой бы то ни было степени затрагивавших интересы буржуазии. Здесь правительство было в полной власти экономической силы капитала. В дальнейшем мы увидим, как в политической области, а также там, где скрещивались интересы буржуазии с господствующим в государстве дворянством, царизм брал реванш, становясь всецело на сторону помещиков.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СИНДИКАТОВ

Несмотря на сравнительную молодость и отсталость русского капитализма, он все же успел создать крупные монополистические организации, которые все время претендовали на то, чтобы диктовать свою волю рынку. За время войны деятельность их не только не ослабла, но даже усилилась. Об этом говорят все источники, не исключая даже такого типа, как „Торгово-Промышленная Газета". Тресты и синдикаты прекрасно использовали военную кон'юнктуру, характеризовавшуюся большим спросом на продукцию крупной промышленности. Они подчиняли своему экономическому господству даже такие организации, как В.-П. К., заводские совещания и т. д. Особенно отличались в своих монополистическо-спекулятивных устремлениях два гиганта-синдиката: „Продамета" и „Продуголь".

Как смотрели верхи промышленников на роль синдикатов и как стремились они прибрать к своим рукам снабжение военными припасами, регулирование цен, видно из мнения по этому вопросу „Торгово-Промышленной Газеты". Она пишет:

„При этих условиях синдикатам легче и усовершенствовать производство, достигая определенного сбережения труда и более выгодного использования побочных продуктов, получаемых в производстве, не говоря уже

о более равномерном распределении продукта по пунктам, наиболее в нем нуждающимся в данный момент".

Дальше газета говорит о том, что деятельность синдикатов важна тем, что они из частных организаций превратились в такие, которые пользуются особым покровительством государственной власти, благодаря их особо важной функции с государственной точки зрения по обслуживанию обороны. Мы видим, таким образом, стремление со стороны торгово-промышленных кругов использовать политическую и экономическую обстановку, чтобы укрепить свои монополистические позиции и стать полными хозяевами во всех областях экономической жизни, как в области производства, так и в области распределения сырья и регулирования цен. Синдикаты стремятся для осуществления своих целей проникнуть в организации, от которых больше всего зависит осуществление указанных стремлений, т.-е. в В.-П. К., особые совещания, заводские совещания и т. п.

О приспособлении синдикатов к военной ситуации пишет также Г. Цыперович в своей книге „Синдикаты и тресты в России":

„С наступлением войны наши синдикатчики, сделавшие предварительно все для того, чтобы ускорить ее, и поддерживавшие самодержавие в борьбе с антимилитаристическими течениями, продолжали свою работу. В течение короткого времени они успели подчинить своему влиянию различные цензовые общественные организации вроде центрального и районных В.-П. К., особого совещания по обороне, заводских совещаний и пр.; заручились такими огромными казенными заказами и соответственными авансами, настолько овладели снабжением армии во всех его формах, что фактически их господство в деле эксплоатации военного рынка было совершенно со всех сторон, и колоссальные прибыли, которыми они награждали своих акционеров, показывали как нельзя лучше, что в новых условиях они чувствуют себя достаточно хорошо и умеют использовать превращение внутреннего рынка в военный с помощью всех тех органов, которые оказались в их распоряжении".

Их деятельность в этом отношении была столь откровенной и циничной, что государственная власть подумывала

о вмешательстве и о контроле над их делами, но для этого руки у нее оказались короткими. Характерно, что это не удалось даже Временному Правительству. Когда в последнем поднялся вопрос о введении принудительного синдицирования промышленности и о государственном контроле, то среди промышленников поднялся такой шум, что Временное Правительство испугалось и не пошло дальше слов в этом вопросе. Ни этот проект, ни всякие другие проекты о государственной монополии не удалось осуществить.

В чем же выразилась деятельность синдикатов во время войны? Ответ на этот вопрос мы находим в официальных источниках. Деятельность синдикатов выражалась в спекуляции, поднятии цен на фабрично-заводские изделия, на сырье и т. д.

Промышленники, об'единенные в синдикаты, в своей спекулятивной деятельности не останавливались перед закрытием предприятий, перед сокращением их производительности и другими характерными для синдикатчиков методами. Такого рода деятельность синдикатов была даже зарегистрирована в особом совещании по обороне.

Член Государственной Думы М. С. Аджемов в одном из совещаний по обороне заявил, что одной из главных причин приостановки доменных печей и сокращения производства металлургических предприятий явилась спекуляция промышленников. Пользуясь спешностью заказов, необходимостью их выполнения в кратчайший срок, синдикаты вздували цены на военные заказы. На заседании того же особого совещания по обороне раздавались голоса, что промышленники, находящиеся в заводских совещаниях, больше заботятся о своих карманах, чем о благе отечества.

Несмотря на то, что В.-П. К. были призваны регулировать промышленную жизнь, они не только не могли справиться с этой задачей, но зачастую сами же делались жертвой спекулятивной горячки. В этом отношении имеются документы, в подлинности которых трудно сомневаться. Так, в „Известиях“ Земгора имеется указание на то, что „В.-П. К. оказали не только содействие, но даже весьма серьезное воздействие в другом отношении, именно: в смысле повышения цен заготовок, в увеличении расходов казны на государственную оборону“.

„Во всяком случае,—говорится там же,—для обороны государства В.-П. К. сделали очень мало, но зато доставили очень крупную прибыль своим участникам".

Сильные синдикаты старались обойти В.-П. К., которые все же иногда являлись помехой на пути к зашибанию бешеных прибылей. В „Современных Записках" (№ 12, 1915 г., в статье Загорского) имеется указание на то, что „Продамета"—наиболее гигантский синдикат—

„отказался иметь дело с представителем Центрального Военно-Промышленного Комитета, предпочитая получать заказы непосредственно из первых рук".

Синдикатская горячка кружила голову также торговцам,—слою буржуазии, наиболее трудно поддающемуся синдицированию. Синдикат оптовых торговцев буквально терроризовал потребителя.

Крупную роль в разрухе, созданной отчасти спекуляцией основным продуктом, необходимым для правильного функционирования промышленности, сыграл синдикат углепромышленников „Продуголь". Здесь уже приводился факт буквального исчезновения угля в административном центре Донецкого бассейна — Харькове, что грозило закрытием целого ряда очень важных для обороны предприятий. Таким образом, можно сделать определенный вывод, что война только способствовала деятельности синдикатов, увеличивала их влияние на дезорганизацию хозяйственной жизни страны. Деятели синдикатов использовывали все „легальные возможности" для усиления своей „благотворной" деятельности, превращали органы, призванные для регулирования хозяйственной жизни, в своих приказчиков, помогавших синдикатам наживаться на крови народа.

ГЛАВА III

БОРЬБА С ДОРОГОВИЗНОЙ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР МЕРОПРИЯТИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Система мероприятий правительства и общественных организаций по борьбе с дороговизной была довольно сложной. Одно основное свойство было характерно для этой системы. Она была пропитана полнейшей бесплановостью, хаотичностью, чудовищным бюрократизмом и канцелярщиной. Все мероприятия проводились под влиянием железной необходимости военного времени и не были проникнуты общей правильной перспективой, характерной для хоть мало-мальски организованной хозяйственной системы.

Если поставить вопрос о том, был ли централизован или децентрализован правительственный аппарат по борьбе с дороговизной, то выясняется нелепое совмещение этих двух начал. „Руководство“ бюрократическо-полицейских министерских канцелярий прекрасно совмещалось с „властью на местах“ различных уполномоченных, губернаторов и других местных сатрапов вплоть до уездных исправников, вносивших свои дополнения в общий „план“ борьбы с дороговизной. Таков общий фон борьбы с дороговизной. Эта борьба к концу 1916 г., кануна Февральской революции, и в начале последней получила свое законченное выражение. Как известно, к тому времени как раз острота продовольственного кризиса достигла своего апогея.

Система правительственных мер состояла из целого ряда начинаний, иногда между собой не связанных, но проникнутых одной идеей: не затрагивать основ помещичье-буржуазной собственности. Царское правительство особенно заботилось о своей основной социаль-

ной базе—классе помещиков, несмотря на кажущийся зачастую радикализм мер, как, например, хлебная повинность и др. Социальное содержание всех этих мер определялось не стремлением к организации хозяйства на некоторых плановых началах, хотя бы и в корне не мешающих существованию буржуазной собственности, но все же проникнутых государственным разумом, а панической боязнью продовольственной катастрофы, особенно на фронте, грозившей провалом всех империалистических планов царизма вместе с буржуазией. Этим об'ясняется судорожность действий правительства и его органов на местах. Этим же об'ясняется переход от одной крайности в другую. Вдобавок, на политику царского правительства имели влияние две антагонистические социальные силы: с одной стороны—смотревшее назад дворянство, которое с большой опаской поглядывало на эксперименты, производившиеся в стране, и находилось по отношению к ним в перманентной оппозиции, а с другой—буржуазия, экономическая мощь которой росла с каждым днем, класс, протягивавший свои щупальцы к кормилу государственного управления. Так политика правительства находилась между дворянской Сциллой и буржуазной Харибдой с определенным уклоном в сторону первой. Буржуазия все время стремилась взять в экономической области реванш за лишение ее политического влияния на государственные дела. Этим об'ясняется та критика, которой с ее стороны подвергались жестоко все правительственные мероприятия.

Перейдем к существу последних. Но раньше дадим пару выдержек, характеризующих отношение буржуазии к системе правительственных мероприятий по борьбе с дороговизной. Вот характеристика, данная лидером кадетов А. И. Шингаревым:

„Правительственные мероприятия в области управления хозяйственной жизнью страны во многих случаях были неудачны, бессистемны, непланомерны, не об'единены, не опирались на общественные силы, способствовали расстройству хозяйственной жизни и обострению дороговизны на предметы первой необходимости".

Другой лидер кадетов Астров характеризует работу правительства, как полный хаос, полное расстройство.

„Как будто,—говорит он (в „Трудах совещания по борьбе с дороговизной"),—кто-то нарочно старался испортить дело в конец, обессилив и расстроив, раздражив страну, которая составляет тыл армии, как будто чья-то искусная рука работала в создании этого хаоса".

Здесь лидер кадетов начинает даже поговаривать об измене.

Прокопович в своей книге „Война и народное хозяйство" говорит о неспособности правительства „не только бороться с дороговизной, но понять всю сложность проблемы".

Таково отношение буржуазии и ее идеологов ко всей этой системе. Такое отношение значительно подрывало успешность правительственных мероприятий.

Здесь необходимо в общем перечислить основные мероприятия правительства, чтобы в дальнейшем изложении обрисовать их экономическое значение и убедиться, как бессильно было правительство наладить продовольственную жизнь страны.

Они сводились, в общем, к следующему:

1. Таксировка продуктов.
2. Запрещение вывоза.
3. Твердые цены на хлебо-фураж.
4. Реквизиция, хлебная повинность.
5. Карточная система.

Нельзя сказать, что все эти мероприятия проводились, разложенные таким образом, хронологически или в порядке экономической целесообразности. Здесь никакой логической связи у руководителей не было. Все же можно, исходя из общих предпосылок, проследить их развитие именно в таком порядке.

Какая из этих мер была основной? На это также трудно ответить по той простой причине, что твердого плана, ориентирующегося на то или иное экономическое мероприятие, у правительства не было. Все делалось стихийно, от случая к случаю.

ТАКСЫ

Установление такс, по действующему закону, входило в компетенцию городских дум. Таксы могли быть установлены городскими управами на предметы первой необходи-

мости: на хлеб и на мясо. Таксировка всегда экономически мыслилась, как одна из частей экономических мероприятий в области снабжения населения продуктами продовольствия, как мера борьбы против чрезмерного вздутия цен. Но думать, что такая мера самостоятельно может явиться универсальным средством уничтожения дороговизны, без регулирования всего народного хозяйства, является иллюзией или же сознательным обманом. Таксы могут еще дать эффект в том случае, если имеется возможность бороться не только карательными и административными мерами со вздутием цен, но чисто экономическим путем давить на рынок, выбрасывая определенное количество товаров и этим регулируя цены. Это возможно тогда, когда основа народного хозяйства—производство—находится не в частных руках, или же когда частный производитель, боясь конкуренции, не имеет возможности попридержать товары и этим взвинчивать цены. В противном случае политика такс вынуждена тащиться в хвосте спекуляции, взвинчивания цен, и ее действие фактически парализуется. Регулирование цен должно итти по всей линии, как на местах потребления, так и производства.

Как же обстояло дело с таксами в действительности? Были ли соблюдены хотя некоторые условия, может быть, хоть не противоречащие основам капиталистической собственности, но экономически целесообразные? Все факты говорят о противном.

Раньше всего необходимо признать одной из основных причин неудачи таксировки, на ряду с уже указанными, что за это дело взялось бюрократическо-полицейское министерство внутренних дел. Последнее вторгнулось в это дело, вопреки воле городских дум, которые уже раньше действовали в этой области.

31 июля 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков предложил губернаторам

„озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту принадлежащей им власти для борьбы со спекуляцией, нередко развивающейся на почве общественных бедствий“.

Но, спрашивается, могли ли губернаторы наладить снабжение населения продуктами первой необходимости?

В лучшем случае они могли бороться со спекуляцией, имевшей глубочайшие корни во всей экономической ситуации, репрессивными мерами, но оказать воздействие на рынок экономически они не могли уже только потому, что они не имели достаточно гибкого аппарата, чтобы противопоставить ловким торговым дельцам свою экономическую силу. В распоряжении губернаторов не могло быть и в действительности не было тех запасов товаров, какие могли быть выброшены на рынок и действовать понижающим образом на цены. Надо еще добавить, что таксировка не производилась на один-два вида товара, а сразу на очень много. Это не давало возможности сосредоточиться на товарах первой необходимости. По данным трудов совещания по дороговизне таксировка производилась на 10 товаров сразу.

Цены устанавливались не по себестоимости плюс определенная „нормальная“ прибыль. Они устанавливались на основании существовавшего на рынке уровня цен, т.-е. таксировка приспособлялась к капризам капиталистического рынка. В одном докладе в Елисаветградскую городскую думу говорится о том, что таксировка сводилась по существу к регистрации цен, существовавших на рынке: часто таксы приводили, благодаря отсутствию достаточного запаса товаров, к исчезновению последних с рынка. Купцы всегда находили способы парализовать действие такс.

Одной из таких мер являлась в их руках переброска товаров из одного района в другой. В некоторых местах они совсем прикрывали свои лавочки. Практиковалось также прекращение подвоза к центрам, где устанавливались таксы. Очень часто торговцы прибегали к грубой фальсификации товаров. Во всех случаях взаимной борьбы городских дум и губернаторов с торговцами победителями всегда оставались последние. Очень часто органы, устанавливающие таксы, приходили к выводу о бессилии бороться с мощью торговцев на рынке и „вынуждены были пойти на компромисс с ними“.

Таксы не носили повсеместного характера. Каждый губернатор, каждая городская дума вольны были устанавливать в районе своего управления таксировку, не согласованную с другими районами. В результате спекулянты зани-

мались перебросками. Кроме этого, существовала форменная конкуренция между различными таксами.

Никакого учета запаса товаров, элементарного условия всякого планомерного снабжения, конечно, не было. Продовольствие было в достаточном количестве и залеживалось там, где в нем не встречалось надобности, между тем как в других районах ощущался настоящий голод.

Таксы все время повышались. Это об'ясняется, как уже было указано выше, тем, что органам таксировки приходилось только фиксировать повышательные тенденции цен. Кроме того, это еще об'яснялось родственным торговцам составом таксировочных комиссий. По данным „Трудов совещания по дороговизне" там зачастую наблюдалось засилье торговцев.

Все указанные причины неправильной таксировочной политики коренились в самом социальном фундаменте царской власти и буржуазии, которым необходимо было сделать какую-нибудь уступку экономической необходимости, выражавшейся в громадном повышении цен, росте дороговизны, продовольственной разрухе, а также в виду этого волновавшемуся общественному мнению страны. Все это приводило к полной неудаче таксировки. Следствием этого было страшное вздутие цен, бешеная спекуляция, хаос в продовольственном деле, конкуренция между отдельными органами и рост оголтелого бюрократизма губернаторов.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ВЫВОЗА

Эта мера вначале была введена исключительно из военно-продовольственных соображений. Выполнение ее возлагалось на военную власть, которая бесконтрольно выполняла ее. Она была связана с другим мероприятием, о котором речь будет ниже, а именно с реквизицией. Эти оба мероприятия были сформулированы в указе от 17 февраля 1915 г. Этот указ предоставлял право командующим войсками: 1) запрещать вывоз из своего района в другой припасов, необходимых для армии, 2) устанавливать цены нужных ему для армии припасов, 3) право реквизиции. Закон о запрещении вывоза имел самое широкое применение. Чем была

вызвана эта мера, нетрудно догадаться, хотя она достигла как раз обратных результатов, чем те, которые от нее ожидались.

Указ от 17 февраля имел целью обеспечить за армией необходимые ей припасы по более или менее установленным ценам и не дать развиваться спекуляции этими товарами. К чему же привела эта мера в действительности? Все экономисты согласны в самой резкой отрицательной оценке этой меры, ибо она послужила одним из факторов еще большей дезорганизации продовольственного дела, чем это имело место раньше. Фактически Россия была тогда разбита на две части: производящую и потребляющую. Все запасы, которые накопились в производящем районе, не могли быть вывезены и застревали там, в то время как другие части страны нуждались в этих продуктах. Это приводило к страшному взвинчиванию цен на продукты в потребляющем районе. Об этом говорил Прокопович на совещании по дороговизне, об этом говорили и другие.

Вот какая характеристика дается запрещению вывоза на этом совещании:

> „Закон 17-го февраля был так широко применен у нас местными административными властями, что в конце концов вся Россия была разрезана на мелкие территориальные клочки, лишенные возможности обмена хлебными продуктами".

Запретительные мероприятия, вероятно, дали небольшую экономию, не превышающую 20—25 милл. руб., но за эту экономию, которую получила казна, страна расплатилась довольно дорого—полной дезорганизацией хлебной торговли и чудовищно высокими голодными ценами на отдельные продукты на главных потребительских рынках. Введением запрещения вывоза страна была передана во власть генерал-губернаторов, которые своими грубыми военно-полицейскими мерами хотели регулировать экономическую жизнь. В результате же страна превратилась в ряд уделов, принадлежащих военным сатрапам, которые распоряжались ею по своему усмотрению.

Запрещение вывоза имело своим последствием страшнейшую спекуляцию предметами первой необходимости, особенно хлебом в потребляющем районе, и фактически

подрывало весь эффект как твердых цен на продукты, так и установленных такс. Запрещение вывоза нагляднее всего показало, на какое творчество способно царское правительство, которое экономически-целесообразные мероприятия заменяет полицейско-бюрократическим произволом.

РЕКВИЗИЦИЯ

Реквизиция была дополнительной мерой к запрещению вывоза и к твердым ценам. Она должна была применяться тогда, когда владельцы товаров отказывались продавать по установленным ценам. Как проводилась реквизиция в действительности, была ли хоть какая-нибудь система, какой-нибудь принцип реквизиции? По свидетельству В. Г. Михайловского на совещании по дороговизне, видно, что реквизиции проходили без всякого установленного плана и приводили к довольно неожиданным результатам. Он пишет:

„Они реквизировали то, что всего менее нужно было реквизировать, то, что, так сказать, попадалось на глаза. Между тем, те запасы, которые были умело скрыты и принадлежали более сильным кругам, повидимому, никакой реквизиции не подвергались. Так, например, в нашей печати не было слышно до сих пор, чтобы были реквизированы запасы зерна, которые были сданы многими банками и их агентами и крупными торговцами, прибегавшими к сокрытию своих запасов путем раздачи их во вторые руки".

В общем реквизиция, как экономическое мероприятие, эффекта не имела, поскольку она проводилась поверхностно и бессистемно, охватывала запасы не крупных собственников, и носила случайный характер. Банки и торговцы были мало задеты этим. Они орудовали во-всю, и все эти на первый взгляд далеко идущие мероприятия лили воду на их мельницу, только усиливая их экономические позиции.

ТВЕРДЫЕ ЦЕНЫ

Одним из наиболее существенных мероприятий правительства в области снабжения страны явились так называемые твердые цены. Они вводились постепенно на большинство продуктов массового потребления, начиная с про-

дуктов, наиболее необходимых армии, как, например, фураж. Твердые цены были раньше введены на овес—5 октября 1915 г., затем на рожь и ржаную муку простого размола (6 декабря), пшеницу—3 января 1916 г., муку пшеничную в марте и т. д.

Отличие их от такс заключалось в следующем: таксы носили местный характер и раньше вводились совершенно произвольно, применительно к местным условиям. Твердые же цены вводились законодательным путем и в масштабе всей страны. Они устанавливались председателем особого совещания. Вначале твердые цены еще тем отличались от такс, что первые не были обязательны для частных сделок, а только применялись при правительственных закупках. Твердые цены в дальнейшем, в силу логики вещей, были распространены на все сделки во всех стадиях производства продукта. Экономически, при правильной последовательной политике, твердые цены явились бы целесообразной мерой, поскольку они давали возможность хоть до некоторой степени парализовать спекулятивную горячку, начавшуюся на продовольственном рынке. Но благодаря колебанию правительства, покровительству им помещиков—ярых врагов всякого регулирования хлебного рынка, отсутствию определенного плана снабжения, твердым ценам суждено было провалиться, а при Временном Правительстве твердые цены привели страну чуть ли не к продовольственной катастрофе.

Нас здесь интересует та борьба, тот разгар социальных страстей, который начался вокруг твердых цен. Здесь мы имеем следующее расположение сил. С одной стороны— в этой борьбе находилась городская буржуазия в лице городов и общественных организаций, стоявших за максимальное понижение твердых цен, с другой—класс помещиков, покровительствуемый некоторыми кругами бюрократического мира. А между ними шаталось растерявшееся правительство, стремившееся поддержать дворянство в его борьбе за повышение твердых цен, но вынужденное считаться с требованиями момента.

Твердые цены были разработаны министерством земледелия, во главе которого стоял тогда Наумов. Твердые цены были тогда необходимы для правильного снабжения армии, которая поглощала очень много продовольствия и фуража.

С этим надо было считаться. Поэтому неудивительно, что и военное ведомство поддерживало установление твердых цен. Но все же та атака, которая поднялась против министра Наумова, должна была в конце концов увенчаться успехом. Так и случилось. Наумов пал жертвой твердых цен и ушел в отставку. На его место был назначен столп дворянства, А. А. Бобринский. Казалось бы, тут помещики могли торжествовать. Они свалили своего „противника", и их пути к достижению главной цели, к повышению твердых цен (что означало их срыв) должны были расшириться. Но здесь-то и началась борьба между дворянством и буржуазией за твердые цены. Борьба уже шла не вокруг самого принципа твердых цен, против которого трудно было протестовать, но борьба шла за уровень их.

Представители крупного землевладения и хлебной спекуляции прилагали все усилия, чтобы сорвать твердые цены, и это им в конце концов и удалось. Моментом, очень благоприятным для их вожделений, послужило совещание уполномоченных председателя особого совещания по продовольствию, открывшееся в Петрограде. „В Известиях Военно-Промышленного Комитета" говорится о том, что принимались все меры к обеспечению соответствующего состава совещания, благоприятного для повышения твердых цен. Из состава совещания была выделена комиссия, которая должна была представить доклад о твердых ценах. В этой комиссии и произошло столкновение интересов и мнений городской буржуазии с помещиками. Борьба произошла между октябристом Каразиным—представителем помещичьей группы—и В. Громаном—представителем городских общественных организаций. Оба они представляли производителя и потребителя хлеба.

Каразин считал, что установленные цены являются очень низкими, хотя это трудно было допустить, поскольку они были установлены правительством, далеко не враждебным интересам помещичьих кругов. Наоборот, В. Громан считал установленные цены чересчур высокими. Победа осталась все же на стороне представителей помещиков. Цены были повышены. Представители общественных организаций—член Гос. Думы М. С. Воронков и В. Г. Громан—вынуждены были протестовать против постановления совещания подачей особого мнения, выдержки из которого приводим:

„Находя, что твердые цены, принятые особым совещанием по продовольственному делу, немотивированно преувеличены, полагая, что чрезмерно высокий их уровень грозит непосредственным бедствием для 50-миллионного населения, покупающего хлеб, учитывая, что рост цен на продукты, вызывая тем самым огромные затраты государственного казначейства и новые колоссальные выпуски бумажных денег и, следовательно, расстройство денежного обращения,—приходя на основании вышеизложенного к заключению, что принятые твердые цены на хлеб приведут к дезорганизации тыла и тяжело отразятся на деле государственной обороны, мы подаем настоящее особое мнение и имеем честь просить о приложении его к постановлению особого совещания, срочно препровождаемому председателю особого совещания по обороне".

Такого же мнения придерживался Гучков—председатель Военно-Промышленного Комитета и рабочая группа В.-П. К.

В чем же заключался основной принцип твердых цен, установленных совещанием уполномоченных? Он заключался в том, что твердые цены устанавливались применительно не к интересам широких масс потребителя и обороны страны, а к интересам производителя.

Главным вдохновителем этого принципа являлся ставленник помещиков граф Бобринский, который сам являлся крупным сахарозаводчиком и помещиком. В результате твердые цены были установлены выше прошлогодних на 30%. Борьба развернулась и в особом совещании, на которое граф Бобринский мобилизовал все силы, и ему удалось провести желательное для помещиков решение. Горячего противника твердых цен общественные организации нашли в лице министра внутренних дел А. Д. Протопопова, который об'явил себя сторонником свободной торговли. Протопопов, будучи связан с банковыми кругами, проектировал снабжение армии через банки. На ряду с этим он предлагал на местах передать продовольственное дело губернаторам, в подмогу которым должны были прийти общественные организации.

Если посмотреть на правительственную продовольственную политику, то можно проследить целый ряд этапов

различных колебаний, противоречий, частые смены руководителей продовольственного ведомства. По вопросу же о твердых ценах правительственная политика все же определялась одним основным „принципом“—„как бы не обидеть помещика“.

Вопросы продовольственной политики и в частности один из ее важнейших вопросов—твердые цены—всегда решались в пользу помещиков, в сторону повышения цен на хлебные продукты во вред общегосударственным интересам, если их понимать шире. Таким образом решались все важнейшие вопросы государственной политики. Здесь царское правительство гнуло определенную линию.

Что касается буржуазии, то там, где это касалось ее антагониста в области экономических интересов помещика, там она казалась довольно радикально настроенной, поскольку это было в ее интересах, но мы видели выше, как в других вопросах, как, например, в вопросе о заказах о военной прибыли, она оказалась такой же своекорыстной, как и помещичий класс. Особенно ярко это проявилось по отношению к рабочему вопросу, о чем речь будет ниже.

ХЛЕБНАЯ ПОВИННОСТЬ ИЛИ РАЗВЕРСТКА

Твердые цены, благодаря атаке со стороны помещиков, потерпели крах. После заседания уполномоченных председателя особого совещания, твердые цены были максимально повышены и тем самым теряли всякий смысл, поскольку они тащились в хвосте рыночной стихии. Продовольственное положение в результате твердых цен не только не улучшилось, но значительно ухудшилось. Правительство шло по наклонной плоскости к продовольственной катастрофе. Необходимы были какие-то из ряда вон выходящие мероприятия, чтобы двинуть дело.

Бобринского сменил новый министр Риттих. Этот новый государственный человек, будучи выходцем из помещичьих слоев, должен был спасти Россию от продовольственной разрухи. Но у него была одна твердая цель: ни в каком случае не затрагивать интересов своих собратьев,—как он выражался, производителей, сиречь, помещиков.

29 ноября 1916 г. Риттих издает постановление об установлении **разверстки** зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной. Это постановление обязывает производителей хлеба поставлять его по норме, устанавливаемой уполномоченными особого совещания по продовольствию или же земскими управами.

Расчет за поставляемые продукты производится немедленно по твердым ценам.

В случае отказа владельцев хлеба и фуража от добровольной его поставки по твердым ценам или невыполнения в срок, уполномоченному министерства земледелия по закупкам предоставляется право реквизиции с понижением твердых цен на 15% и вычетом из цены расхода на перевозку к станции-пристани.

Таков был общий смысл постановления о хлебной повинности и разверстке. Особенность этого постановления еще заключалась в следующем. Как заявил Риттих на заседании особого совещания по обороне, он считает необходимым при помощи разверстки удовлетворить, главным образом, нужды армии и населения, работающего на оборону. Что касается продовольствования остального городского населения, то он считал бы несправедливым возлагать на производителей хлеба такую повинность.

Как видно, система разверстки делила заготовки хлеба на две части. По твердым ценам согласно разверстке хлебо-фураж заготовляется исключительно для армии. Что касается населения, то оно опять, как и раньше, было предоставлено самому себе. Правительство отказалось обеспечить население всем необходимым. Потребности населения в разверстку не включались. Ясно само собой, что население не могло покупать по твердым ценам, поскольку ему не было предоставлено право отчуждения продовольственных продуктов у производителей хлеба и торговцев. Тем самым узаконивалась двойная система цен—твердых и так называемых „вольных“. Но эти вольные цены не могут быть выше твердых. Этим самым парализовалась всякая возможность правильного снабжения хлебом населения.

С какой бы стороны ни подойти к так называемой „разверстке“, видно, что при тех намерениях, которые существо-

вали у правительства, непременно оградить производителей хлеба от всякого ущерба, никакого правильного снабжения армии и населения быть не могло, поскольку вносится такое разделение цен на твердые и „вольные". При установлении разверстки принимались во внимание интересы не населения, а помещиков.

Если же посмотреть на социальный характер этого мероприятия, то видно, что вся тяжесть хлебной повинности и разверстки ложилась не на богатых производителей хлеба, а на крестьянство. Согласно постановлению, разверстка устанавливалась между губерниями председателем особого совещания по обороне, в губернии между уездами губернскими земскими управами. Состав этих учреждений и лиц прекрасно известен. В них преобладали представители бюрократического чиновничества и помещиков. А при том курсе, который был взят министром Риттихом—не трогать помещика,—благоприятное решение в пользу последнего всегда было налицо.

Таким образом, анализируя столь, казалось бы на первый взгляд, радикальное мероприятие царского правительства, как разверстка, можно определенно установить:

1) Разверстка была мерой, продиктованной не соображением действительной целесообразности правильного снабжения населения и армии, а была соломинкой, за которую хватается утопающий.

2) Будучи внешне радикальной мерой, она, благодаря господству правительства, вышедшего из среды помещиков, была вся направлена к ограждению их интересов и к экономическому закабалению крестьянства. Для последнего установилась настоящая хлебная барщина.

3) Разверстка в конец дезорганизовала продовольственное положение страны, поскольку установились две системы цен, твердые и вольные, обрекавшие население на голод, передавая его во власть акул спекуляции.

ПРОЕКТЫ МОНОПОЛИИ

Бюрократическая мысль, хоть и туго двигалась в сторону настоящего правильного регулирования, все же вынуждена была под влиянием кризиса направлять свои взоры

в эту сторону, хотя в этой области под силу справиться было только власти, не заинтересованной в сохранении частной собственности. Даже буржуазные идеологи, немного дальше ушедшие от царских сановников в своем реформаторстве, никогда не могли правильно разрешить вопроса организации народного хозяйства, поскольку они оставались на почве частно-капиталистического хозяйства, и все их затеи сводились к простому словесному прожектерству.

Тем не менее, военный период, благодаря своеобразию созданных экономических условий, был богат всякими экспериментами. Особенно этим показала себя Германия. В России же все эти эксперименты отличались одним общим свойством. Они оставались бумажными проектами, поскольку их авторы стремились сохранить весь аппарат господства частной собственности капиталистического производства. Все они стремились регламентировать потребление, не затрагивая производства и удовлетворяя класс помещиков. Все эти попытки кончались крахом, поскольку производство является основой всего народного хозяйства. Это как нельзя более сказалось на вопросе о монополии. Мысль о монополии носилась в воздухе в России в период войны, но, как ее рационально осуществить для налаживания экономической жизни, никто этого вопроса серьезно поставить не мог. Прежде всего некоторый интерес представляют те разговоры, которые велись по вопросу о монополии торговли.

Этот вопрос ставился преимущественно в буржуазных и так называемых общественных кругах. Например, „Финансовая газета“ говорит следующее:

„Создались условия, при которых частная инициатива встретила об‘ективные затруднения на пути удовлетворения общественных нужд, вдобавок, она получила возможность суб‘ективно усиливать эти затруднения, ибо отпали все стихийные препятствия на пути неограниченного повышения цен.

„Раз частная инициатива, раз частная торговля перестала содержать в себе регулирующие и обращающие ее на служение обществу начала, то должна была возникнуть мысль об из‘ятии торговли из частных рук и передаче ее в ведение общественных и государственных

органов. Мысль эта действительно родилась и, варьируясь в различных кругах, облекалась то в форму грандиозных кооперативных замыслов, то в форму возложения закупочных функций на орган самоуправления, то, наконец, в виде проектов монополизации важнейших отраслей торговли и передачи их в руки государства".

Об этом же говорилось в сборнике „трудов совещания по дороговизне" П. И. Ивановым. Последний даже привел факт постройки казной элеваторов, как доказательство стремления правительства провести монополию хлеба. Выводы докладчика сводятся к необходимости установления монополии на следующие продукты: на нефть, керосин, каменный уголь, соль, дрова, хлеб и т. д.

Как же рассматривался вопрос о способах осуществления монополии, какие силы, какой аппарат мог осуществить эту огромную задачу? Ответ на этот вопрос мы находим в другом сборнике „Опыт регулировки снабжения хлебом". Там говорится следующее:

„Рассматривая все элементы, из которых составляется обеспечение действительного поступления на рынок достаточного количества хлеба, оказывается, что таковое сведется к полной регулировке всего дела снабжения хлебом, именно в той же форме, которая целиком или частью осуществляется при помощи частного торгового аппарата. Другая форма регулирования хлебного рынка—государственная монополия—существенно не отличается от первой ее формы, выше рассмотренной [1]).

„Таким образом, следует признать, что по характеру своих заданий и по методам выполнения обе системы регулировки чрезвычайно близки друг к другу. Их не следует рассматривать, как две самостоятельные системы, заключающие в себе осуществление противоположных начал. Скорее это две стадии естественного развития регулирования"[2]).

Мысль автора, если отбросить всякую ученую шелуху, вполне ясна. При попытке государственного регулирования

---

[1]) Подчеркнуто мной (*Я. Р.*).
[2]) Подчеркнуто мной (*Я. Р.*).

и монополии, не следует отвергать частную торговлю, наоборот, вся монополия зиждется на аппарате частной торговли, прибыли которой, конечно, государством не затрагиваются.

Роль государства здесь совершенно непонятна. Раз у него нет экономических средств давления и регулирования, то к чему может свестись само регулирование? Ответа на этот вопрос мы здесь не получим. Но ответ на этот вопрос дают сами факты. Был проект организации военно-торговых товариществ, торговцев, т.-е. принудительное синдицирование, против которой возражал профессор Соболев в „Южном Крае". Были и другие проекты, сводившиеся все к одному,— к организации монополии торгового капитала, с некоторым налетом государственного вмешательства. Фактически все это сводилось к организации картеля торговцев по типу промышленных. Об этом ярче всего говорит речь товарища председателя Московского Военно-Промышленного Комитета, напечатанная в „Известиях В.-П.К":

> „Для успешного осуществления идеи мобилизации торговли, необходимо организовать купечество и привлечь его наравне с мобилизованной промышленностью к активному организованному вмешательству в дело обороны страны". Идея эта нашла себе воплощение в проекте организации военно-торговых комитетов.

Из всей политики буржуазии, которая в этих областях не встречала противодействия со стороны правительства, видно, что она стремилась под видом мобилизации монополии организоваться, укрепить свои экономические позиции, вполне самостоятельно, без всякого государственного регулирования. Идея государственной монополии на продукты первой необходимости, которая напрашивалась сама собой, и которая вытекала из всей экономической обстановки, не могла найти своего положительного решения, главным образом, потому, что это было не под силу полицейско-бюрократическому режиму царизма, а также благодаря бешеному сопротивлению самих торговых слоев буржуазии. Это также не удалось и временному правительству. Идея государственной монополии в пользу населения потерпела крах при всех буржуазных правительствах.

НОРМИРОВКА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Необходимо остановиться в двух словах на попытках нормировки потребления во время войны. И здесь видно все неумение, вся тщета попыток царского правительства вместе с буржуазией наладить это нормирование.

Необходимость нормирования потребления признана была почти всеми. Установление Государственной Думой в законодательном порядке 3 мясопустных дней в неделю уже говорило об остроте этого вопроса. Необходимость установления карточной системы была признана также на Московском совещании уполномоченных. Главным продуктом, в котором ощущалась необходимость карточной системы, был сахар, в котором чувствовался громадный недостаток. Регламентация потребления выражалась в трех видах: 1) продукты в некоторых местах продавались лишь несколько дней в неделю; 2) отпуск продуктов в одни руки в ограниченном количестве и 3) карточная система.

Замечательна особенность этой карточной системы. Регулирующие органы ограничивали норму потребления, но никогда не могли гарантировать получение пая. Это об'ясняется тем, что в руках регулирующих органов не было никакого влияния на рыночную стихию. Запасы находились в руках частных торговцев, плана снабжения не было. Можно поэтому констатировать полный провал карточной системы и всей нормировки потребления. Отрыв распределения от производства и в свою очередь отрыв нормировки потребления от факторов распределения обрекали всю систему на полный крах.

СОЗДАНИЕ ГЛАВНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА

Царское правительство пыталось создавать организации, призванные регулировать продовольственное дело в стране. Одним из главных мероприятий в этой области является создание Главного Продовольственного Комитета, согласно закону от 19 мая 1915 года.

В компетенцию этого Комитета входило следующее:

1) требование сведений о запасах, проверка их и осмотр торговых книг;

2) установление плана перевозок;

3) заготовительная деятельность.

На местах создавались губернские продовольственные комитеты с губернаторами во главе. В состав Главного Продовольственного Комитета входили: министр торговли и промышленности на правах председателя, представители ведомств и общественных организаций. В губернские продовольственные комитеты входил губернатор на правах председателя, уполномоченные ведомств по заготовкам для армии и представители общественных организаций. Такова конструкция комитета.

Фактически Главный Продовольственный Комитет являлся верховным органом регулирования продовольственного дела в империи.

Комитет создал себе в помощь организации по отдельным отраслям промышленности и торговли: „Центросахар", „Центромука", кожевенный комитет и т. д.

Если посмотреть на комитет с точки зрения интересов регулирования продовольственного дела, то сразу бросается в глаза его социально-политический состав, который должен был обессилить всякие попытки настоящего регулирования в интересах страны. В самом продовольственном комитете сидело большинство бюрократов, имевших тесные связи с промышленным миром, сами состоявшие акционерами многих промышленных предприятий, а также представители самой промышленности и торговли, которые отнюдь не были заинтересованы в правильном регулировании продовольственного дела.

Еще хуже обстояло дело в отдельных отраслях промышленности. Например, в „Центросахаре" состояло большинство сахарозаводчиков. В „Центромуке"—большинство мукомолов. Все это обрекало Главный Продовольственный Комитет и его органы на местах на полное почти бессилье, особенно, если принять во внимание бешеный натиск промышленников и торговцев на него. Мы видели выше, как боролись помещики, с одной стороны, с другой—буржуазия за свои интересы в том или ином вопросе. Когда шел вопрос об интересах хлебопроизводителей-помещиков, на органы регулирования наседали представители дворянства; когда же шел вопрос о прибы-

лях капиталистов, последние усиливали свою атаку. Все это приводило бюрократические органы к беспорядочному метанию из стороны в сторону и полному параличу их деятельности.

Такая же судьба постигла и Главный Продовольственный Комитет, продукт бюрократического творчества.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Все перечисленные выше мероприятия по налаживанию продовольственного дела в стране страдали одним общим недостатком. Правительство, проводившее их, отнюдь не было намерено и по своей классовой сущности не могло вести последовательную плановую работу в этой области. Оно буквально плыло по течению, стихия продовольственной катастрофы захлестывала его, и оно бросалось от одного мероприятия к другому, не продумав его до конца и не учтя его последствий.

Соответственно этому главному несчастью правительственной политики, обусловливаемому классовым переплетом, который тогда имелся в стране, правительство не способно было построить правильный аппарат, способный проводить всю сложную работу по продовольственному делу. Царское правительство думало справиться в такой трудной и сложной работе силами своего полицейско-чиновничьего аппарата, который в то время уже давал сильную трещину. Вся работа по регулированию на местах продовольственного дела за малыми исключениями возлагалась на институт уполномоченных председателя особого совещания по продовольствию, командующих военными округами и фронтами, генерал-губернаторов, исправников и т. д. Так называемая общественность, т.-е. городская средняя и мелкая буржуазия, держалась в черном теле. Все время между последней и правительством наблюдались столкновения за преобладание в продовольственном деле. Но этого мало. В самом бюрократическом правительственном аппарате наблюдались постоянные распри за влияние на дело продовольствия. Враждующими сторонами здесь выступали, с одной стороны, мини-

стерство земледелия, с другой—министерство внутренних дел. Несмотря на общие этим обоим министерствам отрицательные черты,—бюрократизм, неспособность справиться с задачей налаживания продовольственного дела,—можно все же сказать, что министерство земледелия чувствовало в большей степени необходимость регулирования, чем министерство внутренних дел.

Кульминационным пунктом никчемности продовольственной политики царского правительства, коренившейся во всей социально-экономической структуре царской России—можно считать, конечно, февраль 1917 г., когда широкие рабочие массы под влиянием всей политической и экономической обстановки решительно выступили в Петрограде на улицу и одним взмахом своих могучих плеч смахнули царский режим. Но уже осенью 1916 г., когда правительство еще даже не подозревало об ожидающей его участи, уже имелись все черты продовольственной катастрофы, а правительство было слепо, не видело всей серьезности положения. Мы имеем свидетельство одного автора из сборника „Опыт регулировки снабжения хлебом", который дает довольно правильную характеристику состояния продовольственного дела и правительственной политики. Он пишет:

„Состояние продовольственного дела осенью 1916 г. можно себе представить в виде бушующего океана, по которому вместо огромных кораблей, обладающих испытанным персоналом, всеми нужными приспособлениями, чтобы быть направляемыми в любом направлении, и беспроволочного телеграфа, чтобы начать из одного центра указания о нужном направлении, плавают маленькие шлюпки с случайным рулевым и неопытными гребцами. Естественно, что все шлюпки вместо того, чтобы плыть к одной общей цели, разносятся ветром и волнами в разные стороны".

О курсе продовольственной политики царского правительства автор говорит следующее:

„Создается ужасное положение. Хотят отказаться от регулировки, как от чего-то извне навязанного, случайного, и не могут и не хотят. Остается только возможность постоянных шатаний" [1]).

---

[1]) Стр. 117, 124

Ко всему этому можно прибавить еще следующее:

К моменту самого острого продовольственного кризиса, т.-е. к началу 1917 г., начинается период так называемой правительственной чехарды. Один за другим сменяются главы кабинета и другие министры, создается страшная шаткость правительственного аппарата. Правительственный курс продовольственной политики тоже переживает очень много пертурбаций благодаря частой смене министров земледелия.

Все эти факты показывают, как продовольственная политика правительства является одним из камней, который тянул правительственный аппарат ко дну и грозил полной продовольственной катастрофой.

ГЛАВА IV

РАБОЧАЯ ГРУППА В ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМИТЕТЕ

Для характеристики экономической политики царизма, а также буржуазии важно бросить взгляд на роль рабочего класса в мобилизации промышленности во время войны. Эта роль, в общем, сводится к тому, что спрос на рабочую силу для мобилизованной промышленности сильно возрос. Трудности на пути удовлетворения промышленности рабочей силой были довольно велики. Необходимо было приспособить целый ряд предприятий к производству военного снаряжения, что не всегда легко удавалось при слабой технике предприятий. То же самое было и с рабочей силой, которую необходимо было перебросить, частично обучить и т. д. Это тревожило буржуазию довольно сильно. Ибо без правильной организации рабочей силы невозможно было обеспечить бесперебойного хода производственной работы. Этот момент был зафиксирован II с'ездом Военно-Промышленных Комитетов в одной из его резолюций. Там говорится:

„Одним из самых тяжелых тормозов, задерживающих и продолжающих задерживать успешную работу мобилизованной промышленности, является недостаток рабочих рук не только квалифицированных, но и чернорабочих, и недостаточная урегулировка положения рабочего класса“.

При таком положении вопрос об отношении рабочего класса к идее мобилизации имел крупное значение. Необходимо было каким бы то ни было способом привлечь рабочих к участию в поднятии производительности труда, пробудить в них какие-то стимулы, заставляющие их рабо-

тать вместе с буржуазией над изготовлением средств истребления. Буржуазия в большей степени, чем царское правительство, и даже наперекор последнему, прекрасно понимала, что одними угрозами, полицейским нажимом заставить рабочих, настроенных антимилитаристически, не за страх, а за совесть хорошо работать довольно трудно и безнадежно. Надо иметь какие-то другие способы воздействия на рабочий класс, при которых оставалась бы видимость добровольного участия рабочего класса в осуществлении капиталистических целей.

Такой способ был придуман. Он заключался в обмане, в опутывании части рабочих и особенно некоторых оппортунистических „вождей" рабочих, как, например, пресловутого Кузьмы Гвоздева, Бройдо, провокатора Абросимова и т. д. Надо было бросить кость рабочей аристократии, дать коекакие „легальные" формы, вовлечь рабочих в капиталистическую ловушку. Это была своеобразная буржуазная „зубатовщина". Сама жизнь подсказала формы вовлечения рабочих в капиталистическую пасть, в виде военно-промышленных комитетов.

Буржуазия задумала дать рабочим иллюзию власти, но вместе с тем возложить на них ответственность за оборону страны, заставить часть рабочих польститься на то, что они будут сидеть за одним столом с цензовыми элементами и решать общегосударственные дела. Таков был маневр буржуазии, на который часть рабочих и поддалась. Буржуазия в лице В.-П. К. затеяла выборы от рабочих в военно-промышленные комитеты. Для этой цели поручено было В. И. Ковалевскому выработать горячее воззвание к рабочим. Зная о том, как относится царизм ко всякой мысли об организации рабочих, буржуазия стремилась склонить правительство к необходимости не мешать выборам от рабочих, и даже одно время она не остановилась перед небольшим „конфликтом" из-за этого. Гучков обратился к управляющему министерством внутренних дел Щербатову, к начальнику петроградского военного округа Фролову и др. с просьбой обеспечить полную „свободу" выборов, чтобы привлечь к этому делу все рабочее население столицы.

Каково же было отношение рабочих к этому вопросу? Здесь можно, конечно, говорить о сознательной части рабочих, которая группировалась вокруг существовавших тогда политических партий. Можно разбить рабочих по настроению к участию в В.-П. К. на три группы. Наиболее сознательная часть рабочих, группировавшаяся вокруг большевистской организации в столице—Петербургского комитета партии, исходя из общей пораженческой позиции партии, придерживалась бойкотистской тактики в этом вопросе. Ни в коем случае не итти в военно-промышленные комитеты, ибо это является попыткой буржуазии обмануть рабочих. Так рассуждала эта часть рабочих.

Другая часть, шедшая за меньшевиками и народниками, оборончески настроенная, считала, что надо итти в В.-П. К. для того, чтобы там, укрепившись, повести экономическую на первых порах, а потом и политическую борьбу с буржуазией. Нельзя сказать про лидеров этой части рабочих—Гвоздева и К°,—что они не понимали всей наивности такого рассуждения о борьбе с буржуазией внутри В.-П. К. Третья часть ограничивалась неопределенной ориентацией—„подождем, посмотрим“, что также было недалеко от бойкотистского настроения.

Все же выборы по заводам и фабрикам, под охраной полиции кое-как сколоченные, прошли, конечно, не без инцидентов. Но наибольшее поражение буржуазия и ее прихвостни потерпели, когда на знаменитом собрании выборщиков, состоявшемся 27 сентября 1915 г., вокруг выборов в В.-П. К. разыгрался большой скандал. Здесь оба крайних фланга стояли друг против друга. Открыто разгорелась борьба вокруг вопроса о вхождении в В.-П. К.

И здесь, несмотря на участие и нажим буржуазии, на помощь полиции и шпиков, имевшихся на собрании в достаточном количестве, буржуазия и ее сподвижники—Гвоздев и К°—с треском провалились. Когда был поставлен вопрос о выборах представителей рабочих в В.-П. К., получился раскол среди участников. Бойкотистская резолюция прошла 90 голосами против 84 оборонческих. Выборы провалились. Буржуазия потом, в лице Коновалова, могла только поражаться такому неожиданному для нее результату. Она и не подозревала, что питерский пролетариат не хочет лезть

в петлю буржуазии, что он имеет другие, более надежные формы и методы классовой борьбы помимо военно-промышленных комитетов.

Несмотря на такие ошеломляющие результаты, капиталисты, в лице Центрального Военно-Промышленного Комитета, сделали все возможное, чтобы обеспечить сотрудничество рабочих. Они пустили в ход все приемы и при помощи, с одной стороны, полиции, с другой стороны, вожаков-меньшевиков они добились своего. Буржуазии удалось устроить выборы с обеспеченным оборонческим большинством, создать видимость рабочего представительства в В.-П. К. Так была создана злополучная рабочая группа в Центральном Военно-Промышленном Комитете, а потом и в провинциальных комитетах.

Не приходится доказывать всю тщетность попыток меньшевистской рабочей группы Ц. В.-П. К. в ее стремлении повести хоть какую-нибудь борьбу за экономические интересы рабочих. Царское правительство, а также класс капиталистов за все время войны стремились зажать в бараний рог рабочий класс. Были всякие проекты так называемой поголовной милитаризации рабочих. Против всякой попытки рабочего класса организоваться для защиты своих экономических интересов воздвигалась система драконовских репрессивных мер. Тюрьмы были переполнены.

Мы видели выше, как один из боевых органов буржуазии—„Утро России"—выдвигал необходимость введения милитаризации рабочих, означавшую попытку поставить рабочих в такие же правовые условия, как солдат на фронте. Частично удалось провести и законодательным путем принудительные работы. Согласно положению об особом совещании по обороне, его председателю, в силу знаменитой 87 статьи, было предоставлено право реквизиции труда рабочих, т.-е. право привлекать к принудительным работам население во всех отраслях производств, работающих на оборону, в которых окажется недостаток рабочих рук. Это право распространялось в одинаковой степени как на мужчин, так и на женщин.

Как относились промышленники к участию рабочей группы В.-П. К. в регулировании и вмешательстве во

взаимоотношения между рабочими и работодателями, говорит история с так называемыми примирительными камерами.

Постановлением II с'езда военно-промышленных комитетов была признана необходимость создания примирительных камер для урегулирования всякого рода конфликтов. Характерно отношение совета О-ва фабрикантов и заводчиков к выдвинутой идее примирительных камер. Постановление этого учреждения гласит так:

„Совет О-ва фабрикантов и заводчиков, находя, что факультативные примирительные камеры, как выяснила практика их развития в Западной Европе, являются авторитетным учреждением лишь в тех случаях, когда они создаются прочно установившимися профессиональными организациями работодателей и рабочих, считает, что единственно возможными при отсутствующем у нас укладе являются примирительные камеры, проведенные в законодательном порядке и обязательные для обеих сторон. В виду изложенного Совет О-ва фабрикантов и заводчиков не признает возможным произвести выборы представителей в примирительную камеру при Всерос. Центр. Военно-Промышленном Комитете".

Фабриканты и заводчики бойкотируют даже такие невинные организации, как примирительные камеры, потому что им неизвестно, обеспечена ли будет за ними решающая сила в них. Им хотелось бы обеспечения законодательным путем большинства за собою, что нетрудно сделать при существующем режиме. Несмотря даже на это, капиталисты боятся, как бы и это невинное учреждение не сделалось центром сплочения рабочих масс и в малой степени не защищало бы интересов рабочих.

Исходя из того, что примирительные камеры явились основным продуктом творчества рабочей группы В.-П. К. вместе с Коноваловым и Гучковым,—нетрудно понять все бессилие положения Гвоздева и К°. Таковы были результаты работы этих „вождей пролетариата". Даже при таком никчемном положении, представителям капитала не нравилась деятельность рабочей группы, поскольку она имела хоть некоторые связи с рабочей массой. Стремлением руководящих кругов В.-П. К. было не давать офи-

циальных прав самостоятельного существования рабочей группе, распылить ее, взять — что называется — в плен к себе и этим парализовать малейший намек на влияние рабочей группы на дела В.-П. К.

Особенно сильную борьбу пришлось в этом отношении выдержать рабочей группе Московского Военно-Промышленного Комитета. Как относилась буржуазия, об‘единенная в военно-промышленные комитеты, к деятельности рабочей группы? Она понимала роль рабочей группы, как заслона против требований рабочих. Буржуазия стремилась превратить рабочую группу в своего помощника по закабалению пролетариата.

На каждый протест против низкой заработной платы, против нечеловеческих условий труда должен быть дан рабочим один ответ: „Ведь вы участвуете в нашей работе, ведь ваши же представители санкционируют все нами сделанное“. „Никакой политики в работе рабочей группы“—таков был лозунг буржуазии, об‘единенной в В.-П.К. Рабочая группа не должна была вести классовой борьбы, а классовой борьбой буржуазия называла всякое малейшее слово в защиту рабочих, от чего—при всей ее оппортунистичности—все же не могла отказаться рабочая группа.

Буржуазия впоследствии была напугана даже той деятельностью, которую вела меньшевистская рабочая группа. Она боялась революции. Это ярче всего видно из речи представителя промышленников Ю. Поплавского на заседании Московского Военно-Промышленного Комитета 25 января 1916 года.

> „Самый главный вопрос,—говорил оратор,—для разрешения которого рабочие идут в военно-промышленные комитеты, это—усовершенствование государственной жизни и чтобы организовать там подготовительную работу для той особой группы, которая сидит в Таврическом дворце налево; но в нашем помещении об усовершенствовании государственной жизни никто не говорил“.

Более откровенного доказательства контр-революционности буржуазии нельзя и найти, но не в этом суть. Важно подчеркнуть, что, несмотря на совершенно мирные намерения рабочей группы, факты оказались довольно сильными.

Последней приходилось все же дать некоторый отпор чересчур уже обнаглевшей буржуазии. Отношения между буржуазией и рабочей группой, сидевшей в Центральном Военно-Промышленном Комитете, начали в дальнейшем все более портиться.

ПУТИЛОВСКАЯ СТАЧКА

Для некоторой характеристики начавшейся борьбы между рабочими, с одной стороны, и буржуазией и царизмом— с другой, можно привести факт Путиловской стачки в феврале 1916 г., по поводу которой был внесен экстренный запрос соц.-дем. фракцией 4-й Государственной Думы. Сущность этой стачки в военное время, о которой мало писалось, сводится к следующему:

„3—4 февраля возникает забастовка в электрическом цехе на экономической почве. Администрация заводоуправления не пошла ни на какие переговоры и уступки, а со стороны командующего Петроградским военным округом было издано постановление о том, что все военнообязанные рабочие будут взяты на службу и будут работать на заводе, как солдаты. Это вызвало протест со стороны остальных мастерских Путиловского завода, и таким образом возникла забастовка" (Из речи Хаустова на заседании Государственной Думы 7-го марта 1916 года).

Военный министр Шуваев, давая об'яснения на этом заседании, заявил, что завод будет секвестрован, рабочие уволены, и в виду того, что они получили отсрочку по военной службе, они этой отсрочки будут лишены.

Из этой истории с Путиловским заводом видно, как быстро расправлялась буржуазия, в союзе с царским правительством, с начинающим организовываться рабочим классом, вступающим в решительную борьбу со своими эксплоататорами. Несмотря на политику буржуазии втянуть рабочих в военно-промышленные комитеты и этим парализовать борьбу рабочих с капиталом, это ей не удается. За исключением части рабочих, питавших некоторую иллюзию, что, благодаря участию в В.-П. К., удастся улучшить свое экономическое положение, рабочий класс вопреки

стараниям меньшевиков, заседавших вместе с капиталистами в В.-П. К., поднимается на борьбу, так победоносно закончившуюся в октябре 1917 года.

Несмотря на разнузданное господство полицейского кнута, угрозы посылки на фронт и т. д., буржуазии не удается сломить упорство рабочих в борьбе. Вся история участия рабочей группы в работах В.-П. К. показывает всю никчемность меньшевистской тактики, полностью обанкротившейся, особенно накануне революции. Деятельность центральной рабочей группы, в особенности ее председателя К. Гвоздева, ставшего впоследствии министром труда Временного Правительства, показывает, что рабочий класс может победить, ведя только самостоятельную политику. Либеральная же политика, которую вела рабочая группа, привела ее в конце концов к тому, что она стала орудием капиталистических клик. Этим она себя окончательно дискредитировала в глазах рабочих.

ГЛАВА V.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И БОРЬБА БУРЖУАЗИИ ЗА ВЛАСТЬ

С самого начала, мобилизация капитала послужила ареной ожесточенной борьбы между буржуазией и дворянством, поддерживаемым царизмом.

Вся идея мобилизации явилась лозунгом буржуазии, который в зачаточном виде был провозглашен еще на знаменитом историческом заседании Государственной Думы 26 июля 1914 года. Буржуазные группы Государственной Думы тогда стремились выставить платформу, которая об'единила бы все „живые" силы страны, начиная с националистов, ярых сторонников самодержавия, и кончая меньшевиками-оборонцами. Этот лозунг был: „война до победы", „отечество в опасности". Он вдохновлял цензовые элементы при устройстве ими патриотических демонстраций. Казалось бы, вот тут и получится полное единение между всеми классами и артиями.

Но самодержавие по своей природе не могло и не хотело делить власти даже с буржуазией, поскольку оно опиралось на класс дворянства, не желавший поступиться своими привилегиями. В дальнейшем, государственный аппарат, как на фронте, так и в тылу, оказался совершенно непригодным для ведения войны. Последняя послужила толчком к выявлению и вскрытию всей той гнили, которая накопилась за время господства капитализма. Буржуазия, хоть и поддерживавшая всеми своими силами правительство, видя поражения на фронте, испугавшись за судьбу войны, успешное окончание которой должно было закрепить ее экономические и политические позиции, ударила в набат и на с'езде торговли и промышленности бро-

сила клич о мобилизации. Самодержавие, впавшее в панику от последовавших неудач на фронте, пошло на некоторые уступки, пригласив буржуазию принять участие в устроении фронта и тыла, но в свою очередь затаив мысль, как только дело поправится, взять реванш и оттеснить класс буржуазии, который мог бы стать опасным для господства самодержавия.

Так начался исходный пункт развития той системы, которая получила свое выражение в государственном капитализме, в создании военно-промышленных комитетов, особых совещаний и т. д. Царская власть пошла на эти реформы только в силу крайней военной необходимости и, как только положение начало улучшаться, стремилась аннулировать все свои прежние решения или превратить их в фикцию. Нельзя сказать, чтобы буржуазия этого не понимала.

Об этом говорил видный ее представитель, крупный промышленник Терещенко, впоследствии министр Временного Правительства:

„Если был сделан шаг в ту сторону, о которой мы мечтаем, то только в силу тяжелых поражений и правительственных страхов. Но как только события утратили свою исключительную остроту, бюрократия поспешила вернуть обратно свои уступленные позиции и в первую очередь придать им ограниченные толкования" („Известия В.-П. К." № 27—30).

Между буржуазией, об'единенной в военно-промышленные комитеты, и правительством начинается глухая борьба, которая проходит красной нитью за все время совместной работы. Буржуазия укрепляется экономически, все больше и больше упрочиваясь в своих классовых организациях и стремясь поставить от себя в зависимость органы власти. Самодержавное правительство всячески стремится не давать буржуазии возможности политически организоваться. Имея аппарат власти, царское правительство делает все возможное для ущемления так называемых общественных организаций и даже к концу своего господства, в лице министра Хвостова, запрещает созыв с'езда военно-промышленных комитетов, а позже даже входит в конфликт с Государственной Думой. О тяжелых политиче-

ских и правовых условиях говорится почти на всех с'ездах, совещаниях, которые созываются общественными организациями. Впоследствии даже входит в обычай вынесение на буржуазных с'ездах политически оппозиционных резолюций. На втором с'езде военно-промышленных комитетов тов. председателя этой организации произносит целую тираду против внешних условий работы. Он говорит:

„Тяжесть нашей работы усугублялась и усугубляется тем, что излишек сил и энергии тратится на борьбу с предубеждением, на преодоление трений, создаваемых резким противоречием всего механизма государственного управления с запросами переживаемого момента.

„Залогом разрешения поставленных перед нами задач является об'единение общественных сил".

Было несколько основных вопросов, на почве которых развертывалась борьба, с одной стороны, дворянства вместе с государственной властью, с другой—буржуазии. Выше мы иллюстрировали эту борьбу на вопросе о твердых ценах, где развернулся ожесточеннейший поединок, и где даже министры, не совсем рьяно защищавшие интересы класса помещиков, сменялись более угождающими аппетитам помещичьих зубров.

В этом вопросе победа осталась за дворянством, что фактически привело к аннулированию твердых цен. Борьба велась в особом совещании по обороне, где в лице диктатора — председателя особого совещания—выступал во всеоружии царский режим, а также в ведомственных совещаниях. Борьба развертывалась между Военно-Промышленным Комитетом—ставленником буржуазии—и заводскими совещаниями. Буржуазия хотела взять на себя полную монополию в доставке предметов военного снаряжения, присваивая себе бешеные барыши, что не всегда было выгодно правительству, которое хотело предоставить преимущества бюрократическому чиновничеству.

Буржуазия боролась против постройки военных заводов, руководство которыми сосредоточивалось в руках агентов власти, она ратовала за частно-капиталистическую промышленность. „Мобилизация капитала есть дело самого капитала", так рассуждала буржуазия и ее экономисты. Ареной борьбы служили военные заказы, где капиталисты

получали государственные авансы без всякого имущественного обеспечения.

В этом отношении буржуазия оказалась столь своекорыстной, что даже председатель Государственной Думы Родзянко вынужден был констатировать рвачество и бездеятельность военно-промышленных комитетов. Он так прямо и заявил депутации от горнопромышленников, что мобилизованная промышленность не дала ни одной шрапнели.

Недурную характеристику деятельности буржуазии на военно-промышленном фронте дает,—так, казалось бы,—близкое по своему духу к капиталистическим кругам „Русское Слово". Там говорится:

> „Если промышленникам до сих пор и удавалось организоваться, то вовсе не на почве общественного служения, а коммерческих барышей. Неудивительно, что, при отсутствии развитого общественно-политического воспитания, далеко не всегда гг. промышленники оказались на должной высоте и в военных комитетах обороны. В общей прессе не раз уже указывалось, что в комитеты сумели проникнуть своекорыстные интересы, лишь прикрытые фиговым листом патриотизма. В целом ряде случаев пришлось констатировать, что комитеты превращались в своеобразные синдикаты по раздаче военных заказов по повышенным ценам, что члены комитета с большой неприязнью относятся к представительству общественных сил, в частности к рабочим".

Дальнейшая совместная работа этих двух враждебных в данный момент сил приводила к учащению конфликтов, к обострению отношений. Царское правительство, ослепленное властью, катилось в пропасть, не замечая пустоты, образовавшейся вокруг него. Оно боялось делить власть даже с наиболее близкими ему кругами. Правительственный курс становился все правее. У буржуазии, вкусившей некоторую власть в экономических органах регулирования, увеличивался аппетит и к политической власти. Дальнейшие совещания и с'езды становятся все оппозиционнее.

Не говоря о Государственной Думе, где либеральная буржуазия была представлена кадетами, речи, проникнутые жаждой власти, произносились и на чисто экономических с'ездах.

Приведу пару выдержек со с'езда военно-промышленных комитетов (из речи Жуковского):

„Русская общественность (читай буржуазия. *Я. Р.*) показала, что ее силы настолько выросли, что в момент грозного испытания она оказалась на месте не только словами, не только общими выражениями, но и продуктивной работой. Это дает основание вообще рассчитывать, что в мирное время она будет призвана к участию в строительстве русской государственности“ [1]).

Несмотря на столь ясно выраженную жажду власти, выросшей на почве сознания своей экономической силы, буржуазия сразу же показывает свое истинное контр-революционное лицо, свою политическую половинчатость, превращающую ее, вместо антагониста царскому режиму, в одну из его социальных опор. Какими путями думает буржуазия достигнуть власти? Вот красноречивый ответ на этот вопрос самого Жуковского:

„Кто смотрит на наше теперешнее положение, тот должен себе сказать совершенно откровенно: в борьбе с нашим врагом теперь не время совершать внутренний переворот, нужно подвигаться к власти путем эволюционным, а не путем революционных переворотов“.

Экономическая сила, которая была приобретена буржуазией, привлеченной к экономическому строительству, дала ей возможность консолидироваться и в политическую силу в виде знаменитого прогрессивного блока, командное положение в котором заняли кадеты.

Мобилизация капитала явилась, вопреки желанию царского правительства, одной из форм накопления и организации буржуазных сил для наступления на царизм, но не в интересах революции, а дележа с ним власти.

Война и выросший на ее почве так называемый государственный капитализм содействовали выявлению антагонизма даже среди господствующих классов.

Государственный капитализм, на ряду с его общей об'ективной необходимостью во время войны, явился также выражением роста экономической и политической мощи бур-

[1]) Подчеркнуто мной (*Я. Р.*).

жуазии. Дворянство, имевшее в лице самодержавия крепкую до сих пор защиту, получило в виде системы государственного капитализма сильнейший удар. Никакие силы уже не могли вернуть помещичьему классу его былого экономического и политического могущества.

Даже в Германии, где в лице немецкого юнкерства существовала солидная сила, противодействующая буржуазии в ее строительстве системы государственного капитализма, он имел довольно крупный успех. Государственный капитализм, таким образом, явился об'ективным выражением процесса планомерной организации народного хозяйства. Процесс этот должен был ускорить ход развития народного хозяйства, тем самым смести все социальные силы, стоящие на пути его развития, и выдвинуть на авансцену экономически укрепленные, более передовые, хотя и капиталистические слои. В этом отношении (отбрасывая всю реакционную шелуху, опутывавшую его) государственный капитализм является шагом вперед по сравнению с прошлым.

ГЛАВА VI

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Как видно из предыдущих глав, канун февральской революции может быть охарактеризован, как полный распад всех клеточек народного хозяйства. Царское правительство совместно с империалистической буржуазией не сумело справиться с задачами в области экономики, поставленными ими же затеянной войной. Хозяйство шло ко дну, к катастрофе, и только революционный вихрь, который должен был смести сгнившее на корню самодержавие, мог спасти хозяйственное положение страны. Для этого нужно было еще одно крайне важное условие.

Грядущая революция, помимо своих политических задач— передвижки государственной власти от одного класса к другому, создания настоящаго революционного правительства, основанного на союзе двух классов—пролетариата и крестьянства, должна была разрешить также и социально-экономические проблемы, стоявшие тогда перед страной. Экономические условия тогдашнего периода требовали широкого размаха социально-экономических мероприятий, которые должно было предпринять рабочее правительство, если бы оно стало у власти. Интересы частной собственности, этого священного принципа капитализма, должны были отступить на задний план перед экономической необходимостью, требовавшей разрешения социально-экономических вопросов в пользу широкой массы населения.

Таким образом, экономическое развитие после февральской революции должно было об'ективно привести, если исходить из экономической целесообразности, к усилению госка-

питалистических элементов хозяйства. Плановость в хозяйстве, даже оставаясь на базе частной собственности, должна была бы усилиться и вытеснить анархию производства и распределения, что привело бы к некоторому ослаблению хозяйственной разрухи. Все это могло бы совершиться при условии, если бы у власти стало бы настоящее революционное правительство.

Но не так было на деле. У власти, волею исторических судеб, после февральской революции стало буржуазное правительство, совместно с так называемой „революционною демократией", саботировавшей проведение какой бы то ни было широкой планомерной экономической политики. Правительство князя Львова, а потом и Керенского оказалось немощным, неспособным провести даже скромные экономические мероприятия, которые оно в своих многочисленных декларациях обещало.

Общая экономическая разруха достигла высшей степени. Например, по словам министра продовольствия С. Н. Прокоповича на московском государственном совещании, добыча угля к июлю 1917 года в Донецком бассейне пала на 50% в сравнении с прошлым годом. Заработная плата выплачивалась нерегулярно. Дороговизна все росла. Денежная единица обесценивалась с головокружительной быстротою. Подвоз продуктов к фронтовым районам и к столицам все уменьшался. Наплыв делегаций с фронта, рассказывавших о почти буквальном голоде в армии, с каждым днем увеличивался. А стоимость войны достигла на третий год кровопролитной бойни колоссальной цифры в 18,6 миллиардов в год [1]).

Положение дел диктовало правительству необходимость вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны, необходимость ее регулирования, ограничения бешеных прибылей капиталистов, действительной борьбы со спекуляцией на предметы первой необходимости, проведения ряда монополий, как, например, угольной, сахарной, хлебной и т. д.

Правительство волей или неволей вынуждено было признаться в необходимости ограничения свободной инициативы. Это выразилось в речи министра Прокоповича на том же

---

[1]) С. Н. Прокопович. Речь на государственном совещании 12 авг 1917 г.

государственном совещании в Москве, когда он сказал следующее:

„При таком положении вещей абсолютная неограниченная собственность на продукты и на средства производства должна была привести к обнищанию народных масс, к чрезвычайно тяжелому положению этих масс, и поэтому регулирующее вмешательство государства в виде установления твердых цен, регулирования распределения продуктов в стране между различными классами населения и, наконец, регулирования в известных случаях производства—является государственной необходимостью“.

Как видно, программа на словах довольно широкая при условии, если бы у временного правительства хватило бы воли и энергии провести ее в жизнь. Но в том-то и дело, что у правительства мелкой и крупной буржуазии хватало решимости только на широковещательные фразы, а не на дела, которые затрагивали бы в той или иной степени капитал. Судьбой реальной, а не словесной экономической политики распоряжалась буржуазия, а не правительство, власть которого к тому времени стала опереточной. А в интересы капитала по политическим соображениям входило: ослабить государственное регулирование, предоставлять частной инициативе и почину распоряжаться хозяйством, дать рыночной стихии разгуляться, во имя сверхприбылей буржуазии. Это неизбежно влекло за собой разруху. Последняя была выгодна буржуазии, так как надо было, по выражению П. Рябушинского, взять революцию измором. Посмотрим же на то, что в действительности делалось временным правительством для налаживания хозяйственной жизни страны.

Временным правительством был создан регулирующий центр, получивший громкое название „Главный экономический совет“, ставший бюкратическим учреждением, не только не разрешившим ни одного крупного экономического вопроса, но окончательно запутавшим хозяйственное положение страны. Возьмем пару вопросов, имевших в ту пору первостепенное экономическое значение, и посмотрим, какое разрешение получили они при временном правительстве. Этими вопросами были: 1) продовольственная проблема и 2) производство. В продовольственной области вопрос

обострился вокруг твердых цен и хлебной монополии. В области производства вопрос шел об об'явлении некоторых монополий, а также о контроле над производством.

Из предыдущего изложения видно, какая борьба развернулась при царском правительстве вокруг твердых цен. Последние, под давлением помещиков-торговцев хлебом, были повышены, что влекло за собой усиление дороговизны в стране. При временном правительстве это повышение твердых цен все более усиливалось. Крупные помещики развили такую бешеную кампанию за повышение цен, что правительство вынуждено было систематически их повышать. На стороне помещиков оказалось и кулацкое крестьянство. На хлебную монополию, ограничивающую аппетиты частной торговли, правительство так и не решилось.

Посмотрим, как обстояло дело в производстве. С самого начала февральской революции рабочий класс усилил борьбу с предпринимателями за улучшение своего положения, за введение 8-часового рабочего дня, за увеличение заработной платы. Конечно, предприниматели этому усиленно сопротивлялись.

Какую же позицию здесь заняло временное правительство? Вполне ясно, что правительство, состоящее в своем большинстве из капиталистов, стало на сторону своего класса, буржуазии. Несмотря, казалось бы, на такое элементарное требование, как 8-часовой рабочий день, он законодательным путем не был введен. Рабочие вводили его „самочинно".

Что касается вопроса о заработной плате, то политика правительства лучше всего видна из того факта, что оно не соглашалось повысить заработную плату железнодорожным рабочим до тех пор, пока последние внушительно не пригрозили железнодорожной забастовкой. А если взять бешеные прибыли, которые буржуазия получала от ведения войны, то здесь правительство стояло за „ограничение уровня прибыли предпринимателей нормальным процентом, обеспечивающим работу денежного капитала в промышленности" (Прокопович).

Ожесточенную борьбу вызвал вопрос о форме контроля над предприятиями. Пролетариат, в лице его авангарда— большевистской партии и профсоюзов, требовал рабочего контроля, обеспечивающего действительное наблюдение

над нормальным ходом производственного процесса. Кстати нужно сказать, что это требование было проведено советской властью после Октября.

В ответ на это временное правительство предлагало ввести так называемый государственный контроль, который при существовании буржуазного правительства превращался в фикцию. Вот что говорится об этом в программной речи правительства:

> 1) „Необходимо обеспечение прав владельцев предприятий в руководстве делом путем надлежащего раз'яснения прав рабочих и ограждения интересов, задеваемых анархическими выступлениями, надлежащими мерами власти. 2) Необходим государственный контроль над предприятиями, дающий уверенность рабочим в отсутствии злостных мер, подготовляемых предпринимателями против рабочих".

Каковы задачи предлагаемого временным правительством государственного контроля в области урегулирования взаимоотношений между трудом и капиталом, видно из предлагаемых правительством мероприятий в области важнейших вопросов производства. В области зарплаты правительство предлагает „установление твердой заработной платы в важнейших отраслях труда". Что значит твердая зарплата при скачущем вверх рубле? Это значит отнятие у рабочего права требовать прибавки жалования соответственно дороговизне при падающем рубле. Это значит усиление дороговизны, фактическое уменьшение реальной заработной платы.

Стоит только сопоставить это установление твердых ставок заработной платы с „нормальным" процентом предпринимательской чистой прибыли, кстати сказать, почти необлагаемой, чтобы увидеть, куда клонит правительство. Стабильность бешеных капиталистических прибылей и стабильность нищенской зарплаты,—вот по настоящему расшифрованные мероприятия правительства.

Что касается рабочего дня, здесь правительство говорит следующее:

> „Министерство труда против сокращения числа рабочих дней в месяце и сокращения рабочих часов в один день.

Затем оно стоит за недопущение в рабочее время всяких собраний и митингов".

Программа ясна без комментариев. В ответ на требование рабочих об участии фабрично-заводских комитетов в приеме и увольнении рабочих предприятия, правительство заявляет:

„Вмешательство рабочих в управление предприятиями признается министерством труда недопустимым. Прием и увольнение служащих и рабочих принадлежит всецело администрации". (Все выдержки взяты из двух речей Прокоповича на московском государственном совещании 12 августа и в предпарламенте 16 октября 1917 г.).

Особую важность представляет из себя, для характеристики экономической политики буржуазии в Февральской революции, следующее мероприятие правительства. Для обуздания рабочего класса, в недрах бюрократических правительственных канцелярий готовился ряд законопроектов, фактически стремящихся к введению милитаризации рабочих, или трудовой повинности. Это видно из следующих слов правительственной декларации:

„Издание общего закона о трудовой повинности—или ряда законов частных, вводящих обязательный минимум числа рабочих дней в месяц и минимум дневной производительности труда" (там же).

То, что не удалось сделать царскому правительству, согнуть пролетариат в бараний рог военной дисциплиной на предприятии, путем введения трудовой повинности, то покушалось делать революционное правительство в пользу своего фактического хозяина—капитала. И вся эта антипролетарская, насквозь пропитанная буржуазным духом экономическая политика прикрывалась следующими лицемерными кисло-сладкими фразами:

„Пусть капиталист откажется от излишней прибыли, пусть рабочий откажется от излишнего отдыха".

При той общей политике, которую вело временное правительство, не было никакой гарантии проведения первой части этой формулы. Зато была полная уверенность в том, что вторая часть формулы будет выполнена до конца верным слугой буржуазии—временным правительством и превратится в настоящую кабалу для пролетариата.

Анализируя экономическую политику временного правительства, приходится установить, что она была вся пропитана классовым духом буржуазии, которая, благодаря классовым противоречиям, существовавшим тогда в стране, не могла укрепить свое политическое господство. Временное правительство, выдвинутое буржуазией и опиравшееся на „живые силы“ страны, находясь под давлением капитала, оказалось неспособным править страной. Буржуазия же энергично вела экономическое наступление против пролетариата.

Что касается соглашателей, сидевших в правительстве, они были вынуждены, благодаря своей пресловутой коалиционной политике, прикрывать своим именем поползновения обнаглевшей буржуазии. Это лучше всего видно на примере работы министерства труда, во главе которого стоял небезызвестный соглашатель К. Гвоздев.

Народное хозяйство разваливалось. Голод все усиливался, цена рубля все падала, бюджетный дефицит все возрастал. И при таком положении правительство не решалось ни в малейшей мере посягнуть на привилегию капитала, обложить сверхприбыли буржуазии. Последняя же занималась тем, что усиленно сплавляла свои ценности за границу, саботируя внутреннее производство и взваливая все беды на рабочих. Пролетариат же стремился к улучшению своего экономического положения, „самочинно“ вводя восьмичасовой рабочий день, ведя борьбу за сокращение рабочего дня, за улучшение условий труда. Буржуазия вопила о неосуществимых требованиях рабочих. Даже такой добросовестный буржуазный экономист, как проф. Гриневецкий, считает возможным писать об этом следующее:

„Во многих местах требования пред‘являлись рабочими совершенно несогласованно между собой, не говоря уже о полном их несоответствии ресурсам промышленности“ [1]).

Страна таким образом стояла перед диллемой: или итти по пути дальнейшего хозяйственного развала, усугубляемого капиталом, не желающим расставаться со своими привилегиями, стремящимся затянуть кровопролитную войну, или

---

[1]) Проф. В. И. Гриневецкий. „Послевоенные перспективы русской промышленности“, стр. 54.

же встряхнуться, сделать революционное усилие и, сбросив капиталистическое правительство, установить диктатуру пролетариата, двинуться по пути социалистического строительства.

Этот выбор был сделан 25 октября 1917 года, когда была совершена величайшая в истории революция. Это было начало Октября, который превратился в эпоху длительного существованиия власти советов.

Эпоху господства временного правительства в области экономики можно таким образом характеризовать, как эпоху *господства капитала*, который, пережив период военного государственного капитализма, вместе с установлением после февраля свободного строя, истолковал Февральскую революцию, как освобождение от всякого регулирования, от всякого контроля, как возвращение к частной инициативе. *Февральская революция, таким образом, в экономической области привела к ослаблению государственно-капиталистических элементов хозяйства, тем самым усилив частно-капиталистические тенденции.*

Буржуазия в период февраля считает себя единственным вершителем судеб хозяйства и самым отрицательным образом относится ко всякому вмешательству государства в свою частную инициативу. Это видно из того, что даже лозунг правительства о государственном контроле встречает с ее стороны оппозицию.

Эпоха от февраля до октября характеризуется ожесточенной борьбой между трудом и капиталом. Чем ближе придвигается момент Октябрьской революции, тем слабее становятся позиции капитала и тем сильнее в своей борьбе становится пролетариат, который могучим движением опрокидывает экономическое господство буржуазии и устанавливает новый политический экономический строй.

ГЛАВА VII

ГОСКАПИТАЛИЗМ БУРЖУАЗНОЙ ФОРМАЦИИ

Государственный капитализм эпохи войны представляет исключительный интерес. Необходимо остановиться в немногих словах на вопросе о том, что же это за экономическая формация.

Является ли государственный капитализм этапом для дальнейшего развития к организованному хозяйству, или же он является только необходимым эпизодом на фоне войны, который исчез и настолько не оставил никаких следов, что капитализм возвращается к „нормальному“ своему существованию?

Раньше всего необходимо сказать, что то явление, которое мы обычно называем государственным капитализмом, не является чем-то изолированным от всего предыдущего хода экономического развития. Это—звено общей цепи развития монополистического капитализма, охарактеризованного Лениным в его „Империализм, как новейший этап капитализма“. Это есть монополистический капитализм, приспособляющийся к условиям войны и вынужденный итти на такие мероприятия во имя сохранения основ капитализма, которые иным даже не мерещились, как, например, государственная монополия, национализация и т. д.

Этим об‘ясняется то, что такие апологеты капитализма, как Вальтер Ратенау, Ллойд-Джордж, шли, охотно или неохотно, на всякие меры к обеспечению благополучного ведения войны. Введением государственного капитализма доказывается еще то, что в такие катастрофические периоды истории, как война и революция, нельзя наладить правильного функционирования народного хозяйства, не нарушая хоть в небольшой степени частной инициативы и собственности, столь любезных сердцу капиталистов.

Государственная власть, стоящая на страже интересов всего класса капиталистов, вынуждена нарушать интересы части во имя целого. На ряду с этим необходимо указать, что система государственного капитализма является частью единого процесса капитализма, вытекающею из всех предыдущих его форм.

Посмотрим же на отличительные черты государственного капитализма эпохи войны от „обычного" типа капитализма. Что является свойственным для нормального капитализма? В основном 3 фактора определяют частно-капиталистический строй: 1) частная собственность на средства производства, 2) конкуренция между отдельными капиталистами, 3) анархия производства. Это квинт-эссенция частно-капиталистического строя, так превосходно описанного Марксом.

Дальнейшее развитие капитализма, рост крупного производства и вытеснение мелкого, развитие финансового капитала приводит к появлению новейшего этапа капитализма, описанного у Ленина—монополистического капитализма. Что нового вносит эта фаза? Она устанавливает, вместо господства отдельных капиталистов, господство целых групп, концернов над другими. Частная собственность на средства производства остается, но само производство начинает регулироваться монополистическими организациями, трестами, синдикатами и банками.

Анархия производства этим не уничтожается, промышленные кризисы дают себя чувствовать еще сильнее. Конкуренция не уничтожается,—наоборот, база ее расширяется, конкуренция между отдельными капиталистами заменяется еще более бешеной конкуренцией между монополистическими союзами. Антагонизм классового общества не смягчается, а, наоборот, усиливается. Капиталистические клики подчиняют себе государственную власть, которая становится послушным орудием в их руках. В любой момент буржуазная государственная власть готова ввергнуть народы в пучину войны и бедствий ради интересов капиталистических групп. Надо также отметить одну из основных черт монополистического капитализма, которая дана Лениным. Это так называемое з а г н и в а н и е к а п и т а л и з м а. Этот процесс при развитии капитализма принимает все более яркие формы.

Имеем ли мы здесь признаки организованного хозяйства, является ли монополистический капитализм шагом вперед по пути к плановому хозяйству?

Можно сказать, что, несмотря на все отрицательные его стороны, обрисованные выше, он все же является более высоким этапом, чем „нормальный“ (эпохи свободной торговли) капитализм, поскольку империалистическая эпоха, господство финансового капитала, порождает явления, приближающие переход средств производства в руки рабочего класса. Но, в то же время, только такие верные слугикапитализма, как Каутский, могут сделать вывод о наступлении новой эры, связанной с „ультра-империализмом“, которая понимается этим ренегатом от марксизма, как уничтожение конкуренции, анархии производства и других бед капитализма.

Порожденная империализмом, эпохой господства финансового капитализма, война влечет за собою новый этап капитализма, в общих чертах обрисованный выше. Государственная власть, которой буржуазия вручила мандат на ведение войны, вынуждена пойти на целый ряд ограничительных для отдельных групп капиталистов мероприятий, как таксировка, твердые цены, реквизиции и даже частичная монополия.

Что здесь характерно для этого периода? Уничтожаются ли основные черты капитализма, частная собственность на средства производства, конкуренция, анархия производства? Отнюдь нет! Все это в основном остается. Но, вместе с тем, в интересах буржуазного государства все это централизуется, приводится в некоторый порядок. Государство выполняет функцию такого же рода, как и раньше—именно приказчика буржуазии, только с большими правами. Права отдельных частей буржуазного государства ограничиваются. Таким образом, из факта введения системы государственного капитализма никак нельзя делать вывода о том, что здесь имеется какой-то особый вид социализма. Этот вывод делают некоторые буржуазные экономисты, вроде того же Вальтера Ратенау, который пытается построить новый тип хозяйства по типу военного хозяйства Германии во время войны, получающий у него название „военного социализма“.

Все же необходимо подчеркнуть, что система государственного капитализма есть кое-что новое в сравнении с до-

военным капитализмом. Государственный капитализм эпохи войны есть об'ективное проявление общей тенденции народного хозяйства к организованности, к плановости. Например, во время государственного капитализма можно видеть, какие предпосылки нужны для правильной организации народного хозяйства на плановых началах. Дальнейшие выводы в этом смысле есть уже отрицание основ капитализма, требующее коренной его ломки, уничтожения китов, на которых он держится. Для этого нужна социальная революция.

Ясно само собой, что плановое хозяйство можно построить не методами бюрократическо-полицейского государства, которое, несмотря даже на крайнюю военную необходимость, все же не может решиться посягнуть на основу капитализма, потому что государство при господстве буржуазии об'единено кровными узами с ним.

В дальнейшем изложении будет показано различие между госкапитализмом буржуазной формации и элементами госкапитализма, введенными советской властью в период новой экономической политики. Здесь же необходимо подчеркнуть характерные черты первого, чтобы нагляднее увидеть отличие его от второго. Что наиболее характерно для государственного капитализма эпохи войны? Тов. Осинский в своей книге „Строительство социализма" в общих чертах так определяет основные черты его:

„1) Срастание государства и трестов, срастание „командной власти" финансового капитала и политической власти государства.

„2) Появление принудительных синдикатов и трестов и, следовательно, завершение перехода собственности в собственность всего класса капиталистов.

„3) Планомерное регулирование производства этими синдикатами и трестами, замена фактических рыночных монополий обязательными монополиями государства-треста.

„4) Превращение рабочей силы в достояние государства, банкиров и капиталистов путем трудовой повинности" [2]).

---

[2]) Н. Осинский. — „Строительство социализма". Изд. „Коммунист" 1918 г., стр. 12—13.

Из этого т. Осинский дальше делает, по нашему мнению, ошибочный вывод об отмирании товарного хозяйства. Можно сказать, что это пока тенденция к такому отмиранию товарного хозяйства. Для того, чтобы совершилось это отмирание, нужен социальный переворот.

Опыт периода нэпа показал, что товарное хозяйство очень живуче и может совмещаться с существованием начал планового хозяйства даже после установления диктатуры пролетариата.

Наиболее правильное определение государственного капитализма при господстве буржуазного государства мы находим у т. Милютина в его докладе, читанном в Коммунистической Академии 11 ноября 1923 г. („Вестник соц. академии" № 2, 1923 г.).

Он пишет:

„Что такое государственный капитализм? Что под этим подразумевается в капиталистическом строе? Государственный капитализм—это есть высшая форма развития капитализма; когда капиталистическое государство производит огосударствление экономических функций, когда буржуазное государство овладевает функциями распределения, отчасти производства, когда государство, так сказать, отбирает часть прав у отдельных капиталистов, лишая их свободы хозяйственной деятельности, это есть государственный капитализм".

И дальше на вопрос, чем же является государственный капитализм в его, так сказать, перспективной форме, он говорит:

„Государственный капитализм в капиталистическом строе, развитой форме, действительно является высшей формой, он есть завершение всей капиталистической системы и высшее ее выражение. Буржуазный класс, в лице его трестов, синдикатов, господствующих групп, так сказать, сливается с государственным аппаратом".

Что нужно для того, чтобы государственный капитализм перерос в социализм? На это т. Милютин отвечает:

„Но измените эту структуру государственной власти, измените самый факт принадлежности власти классу капиталистов, и у вас уже будет не капиталистическая

страна, а социалистическая страна, хотя и на первоначальной ступени своего развития“ [1]).

Вопрос, таким образом, становится вполне ясным. Государственный капитализм эпохи войны есть выражение высшей фазы монополистического капитализма и есть предпосылка для перехода к иной экономической структуре. Но для этого нужно одно очень важное условие: переход власти в руки пролетариата. Реформисты же делают вывод, что это может совершиться без революции, чисто эволюционным путем.

Буржуазия, которая ввела во время войны государственный капитализм, как только миновала острая военная необходимость, не преминула отказаться от него и перейти к излюбленным методам „регулирования“, на основе частно-капиталистической монополии синдикатов и трестов.

На первый взгляд кажется даже историческим парадоксом, что именно в России, в которой государственный капитализм проявлял себя в самых отсталых формах, где он фактически выродился в бюрократически-полицейскую регламентацию, именно этой стране великих возможностей пришлось впоследствии показать завершение государственного регулирования, начавшегося еще во время войны. Но это об‘ясняется глубокими историческими условиями, послужившими причиной величайшей в истории революции, которая привела к тому, что государственное регулирование произошло уже на иной социальной основе—на основе диктатуры пролетариата, единственно способной дать законченное выражение этому процессу. Это случилось благодаря завоеваниям Октябрьской революции.

---

[1]) Там же, стр. 168.

ГЛАВА VIII

ОТ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА К НЭПУ

Приступая к характеристике периода так называемого военного коммунизма, надо в двух словах подчеркнуть все своеобразие периода, непосредственно следовавшего за октябрьским переворотом и заканчивающегося примерно до чехо-словацкого восстания в мае 1918 года.

Октябрьская революция положила начала новой экономической формации, обусловленной коренной передвижкой социальных сил, которая вытекала из характера переворота. На место буржуазии у кормила политического правления стал молодой, полный бодрых сил рабочий класс, который с первых же дней развернул кипучую энергию по перестройке всей внутренней жизни страны.

Естественно, вместе с октябрьским переворотом коренным образом должна была измениться и экономическая политика класса, ставшего у власти.

Чем же характеризуется в общем экономическая политика советского правительства непосредственно после октября? Как видно будет из дальнейшего, экономическая политика за этот период развертывается постепенно от тенденции государственного регулирования, которая выразилась тогда в рабочем контроле, к непосредственному управлению производством, к национализации. Национализация вначале развивалась в свою очередь от крупной промышленности к средней, а потом подошла и к мелкой. В намерение советского правительства после Октября отнюдь не входило вводить сплошную национализацию.

Исходя из этого можно установить, что военно-коммунистический хозяйственный строй введен был значительно позже и получил свое начало в декрете о национализации.

Что касается периода непосредственно после Октября, то поскольку экономическая политика советского правительства в области производства выражалась в лозунге рабочего контроля, регулирования, сохраняя частично в области промышленности частную собственность, строй экономических отношений этого периода приближается к госкапитализму.

Этот хозяйственный строй отличается от госкапитализма буржуазной формации тем, что здесь имеется диктатура пролетариата, которая регулирует производство в интересах не капитала, как это имело место раньше, а в интересах трудящихся масс. Это определение вяжется с тем пониманием госкапитализма, какой мы находим у Ильича впоследствии [1]).

Проследим теперь вопрос о том, как конкретно развертывалась экономическая политика пролетарской власти после октября.

Мы здесь не будем останавливаться на политике советской власти в области земельного вопроса,—это составляет предмет особого анализа. Декрет о земле достаточно об этом говорит. Здесь придется затронуть главным образом вопрос о политике советской власти в области промышленности непосредственно после октябрьского переворота и в период военного коммунизма.

В дооктябрьский период коммунистическая партия требовала законодательного введения восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты и, что особенно важно, *введения рабочего контроля над производством.*

Что означал лозунг рабочего контроля? Рабочий контроль, с одной стороны, должен был парализовать саботаж капиталистов нормального производственного процесса, с другой,—он должен был служить школой, подготовительной ступенью к управлению производством в руках рабочего класса. Вот что мы находим у Ленина в его апрельских тезисах, которые фактически явились платформой октябрьского переворота.

„7. Слияние всех банков страны в один общий национальный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.“

---

[1]) Автор считает этот вопрос дискуссионным, поскольку до сих пор этот период мало освещен в экономической литературе.

„8. Не „введение социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь *к контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов“ [1]).

Мы видим, что в основном документе, который должен был послужить программой октябрьского переворота, партия не выставляла лозунга национализации промышленности, а основным стержнем своей экономической политики считает контроль за общественным производством. Национализация банков должна была дать пролетарскому государству рычаг для регулирования хозяйственной жизни страны.

Таким образом экономическая программа партии сводилась к трем китам: 1) национализация земли в той форме, в какой она сформулирована в декрете о земле, 2) национализация банков и 3) контроль над производством. Рабочий контроль еще не означает устранения владельцев предприятия от управления им,—наоборот, как ясно вытекает из декрета о контроле, владельцы не теряют своих прав в предприятии. Рабочий контроль вводится в интересах регулирования, как это говорится в пункте 1-м декрета о рабочем контроле.

„В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельско-хозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, *имеющих наемных рабочих*[2]) или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия.“

Взгляд на рабочий контроль, как на форму регулирования народного хозяйства, существовал у партии значительно позже, уже после проведения частичной национализации предприятий. Рабочий контроль мыслился партией, как определенный шаг к социализму. Это видно из взгляда Владимира Ильича на рабочий контроль, который выражен в следующих его словах:

---

[1]) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, стр. 19. (Везде курсив Ленина).

[2]) Подчеркнуто мной. (*Я. Р.*)

„А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных насчет контроля,—до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, т.-е. перейти к рабочему регулированию производства“.[1])

Несмотря на то, что при рабочем контроле права владельцев предприятий номинально сохраняются, рабочий контроль фактически был шагом к национализации, поскольку права предпринимателя сильно ограничиваются, поскольку регулирование производства находится не в его руках, а у рабочих, об‘единяемых в фабрично-заводские комитеты. Рабочий класс начинает становиться хозяином предприятий, руководителем промышленности. Вот что означал рабочий контроль. Но от этого до широкой национализации, которая была проведена позже и которая стала одним из краеугольных камней так называемого военного коммунизма, имеется еще порядочная дистанция.

Политика советского правительства в самый начальный период своего существования несомненно была направлена не на немедленное уничтожение частной собственности во всех сферах хозяйства. Советская власть стремилась взять в свои руки контроль, регулирование, используя максимально сохранившийся экономический аппарат буржуазии. Экономическая политика пролетарского государства была значительно осторожнее немедленно после Октября в сравнении с более поздним периодом. Это видно из следующих слов т. Ленина:

„В первый период, когда мы только что кончили первое дело по строительству советской власти и только что вышли из империалистической войны, мы о наших задачах экономического строительства говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов“ [2]).

Следующим шагом по пути регулирования народного хозяйства является создание Высшего Совета Народного

---

[1]) Н. Ленин — Очередные задачи советской власти. Т. XV, стр. 191.

[2]) Ленин—Речь на II с‘езде политпросветов, т. XVIII, ч. I, стр. 371—372.

Хозяйства. Несмотря на то, что задачей ВСНХ по декрету „является организация народного хозяйства и государственных финансов“, в декрете еще нет указания на то, что в его ведение входит непосредственно управление всеми предприятиями. За ним остаются пока еще регулирующие функции. Но одновременно с этим уже делается шаг к овладению промышленностью, к тому, чтобы взять на себя непосредственное управление народным хозяйством. В том же декрете о ВСНХ говорится следующее:

> „ВСНХ предоставляется право конфискаций, реквизиций, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов“.

Если рассмотреть вопрос о постепенном преемственном развитии экономической политики советской власти от рабочего контроля до национализации промышленности, то рисуется такая хронологическая картина.

Положение о рабочем контроле было опубликовано 14 ноября 1917 года. Декрет о Высшем Совете Народного Хозяйства опубликован 5 декабря того же года. А декрет о переходе в собственность республики наиболее крупных и важных отраслей торговли и промышленности опубликован 30 июня 1918 года. Эти хронологические данные довольно показательны. Между опубликованием декрета о рабочем контроле и опубликованием декрета о национализации прошло более 7 месяцев. А ведь эти месяцы были месяцами налаживания советской власти. За это время республика пережила ряд крупнейших политических событий международного и внутреннего характера. Мы здесь имеем в виду такие события первостепенной политической важности, как разгон учредительного собрания, заключение Брестского мира, войну с немцами, с украинской радой. И чем дальше, тем больше сгущаются тучи над советской республикой.

В мае начинается выступление белогвардейца Семенова на Дальнем Востоке и чехо-словаков в Сибири. Вместе с усложнением международного и внутреннего положения республики меняются и методы экономической политики пролетарского государства. То же самое мы видим в области крестьянского вопроса. Между декретом о земле и устано-

влением разверстки, а в дальнейшем, к концу гражданской войны, фактической национализации посевов, имеется большая дистанция. Надо посмотреть на сущность разверстки, чтобы увидеть всю глубину разницы между нею и той политикой, которая проводилась в начале Октябрьской революции. Ленин характеризует разверстку следующим образом:

> „Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе— эта политика мешала под'ему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического кризиса, на который мы наткнулись весною 1921 года“ [1]).

Таким образом то, что мы называем обычно периодом военного коммунизма, этот период начался значительно позже Октябрьской революции.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Посмотрим в кратких чертах, какое влияние имел период военного коммунизма на развитие производительных сил страны, какие черты характеризуют это развитие. Раньше всего посмотрим на состояние крестьянского хозяйства.

Если взять, например, рост урожайности за четырехлетие, 1917—1920 гг. включительно, по отношению к средней урожайности за последнее десятилетие перед войной, то она была следующая:

В 1917 году урожайность доходит до 93% довоенного, в 1920 году она спускается до 70%. Общий сбор хлебов сократился с 4.217 миллионов пудов в 1917 году до 2.944 в 1920 году [2]). Уменьшение скота, если принять 1916 год за 100, достигло в 1920 г.—72%.

Посмотрим на состояние промышленности. Количество людей, занятых в цензовой промышленности, в 1913 году было 2.559 тысяч, в 1920 году оно спустилось до 1.505 человек. Валовая продукция цензовой промышленности в миллионах: в 1913 году—5.620, в 1920 г.—1.001. Мы имеем таким образом снижение продукции до 18% в 1920 году. Добыча угля дошла в 1919 году до 3½%, а нефти до 5%

---

[1]) Н. Ленин.—Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I, стр. 372-373.

[2]) Цитировано по Л. Крицману—„Героический период русской революции“. Гиз 1926 г., стр 155.

Ввоз и вывоз сократился до минимума. Например, в 1917 г. ввоз составлял в миллионах пудов—178,0, в 1920 г. он составлял только—5,2. Вывоз—1917 г.—59,6, 1920 г.—0,7. 1919 год показывает еще большее падение. Например, ввоз тогда дошел до 0,5 мил. пудов, а вывоз почти доходил до 0 [1]).

Экономика военного коммунизма характеризуется следующими чертами.

1) Благодаря экономической и политической блокаде, получился отрыв хозяйства Республики от мирового хозяйства. Страна превратилась в самостоятельную хозяйственную территорию, которая вынуждена была себя обслуживать собственными экономическими ресурсами. Это, конечно, замедляло темп хозяйственного развития страны и приводило ее экономику почти к полной деградации.

2) Экономика страны характеризуется почти полным упадком развития производительных сил. В этом отношении прав Владимир Ильич, говоривший, что государственный капитализм был бы шагом вперед в сравнении с тем положением, которое тогда существовало. Государственный капитализм был бы шагом вперед потому, что он толкнул бы вперед развитие производительных сил, а это обстоятельство при сохранении диктатуры пролетариата есть шаг на пути к социализму.

3) Период военного коммунизма характеризуется централизмом хозяйственного управления. Об'ясняется этот централизм той общей обстановкой гражданской войны, которая тогда существовала, а также тем, что при помощи централизации удалось пролетарской диктатуре наладить правильное распределение тех экономических ресурсов, которые тогда имелись. Без таковой централизации нельзя было бы удержать хозяйственные ресурсы от окончательного распыления.

Это обстоятельство не мешало так называемому „главкизму"—форме тогдашней централизации—стать впоследствии помехой в развитии производительных сил страны.

4) Денежная форма стоимости почти отмирает. Товарное хозяйство, если не считать нелегального рынка, также усту-

---

[1]) Там же, стр. 50—56.

пает свое место натуральному обмену. Военный коммунизм по своей структуре приближается к организованному хозяйству. Но для перехода к этому организованному хозяйству требовалась экономическая база, которой тогда в стране не было.

5) Взаимоотношения между пролетарским государством и крестьянством можно охарактеризовать, как военный союз, закрепленный совместной борьбой против помещиков и капиталистов. Экономический союз между этими основными классами только еще нарождался. Развернуться экономическому союзу удалось значительно позже—при нэпе.

В заключение необходимо остановиться на вопросе об оценке периода военного коммунизма в целом с точки зрения развития социалистических форм экономики, приближения хозяйственного строя к подлинному развернутому коммунизму. Обратимся к оценке, данной одним из наиболее добросовестных исследователей военного коммунизма Л. Крицману. В одном месте своей работы он пишет:

„В действительности так называемый „военный коммунизм"—это первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму" (курсив т. Крицмана [1]).

Это совершенно правильная оценка, поскольку период военного коммунизма действительно является опытом по пути перехода от капитализма к коммунизму. Но этот первый шаг ни в коем случае нельзя переоценивать, ставя знак равенства между указанным хозяйственным строем и социализмом. В действительности такую ошибку совершает т. Крицман, когда он в той же своей книге, говоря об общих экономических отношениях, пишет следующее:

„Словом, перелом произошел не в тенденциях развития, а в характере господствующих (обще-экономических) отношений. И эти господствующие характерные для новой пролетарской организации народного хозяйства отношения, отличившие ее от предшествовавшей ей капиталистической, были безусловно отно-

---

[1]) Л. Крицман. „Героический период великой русской революции". Гиз, стр. 77.

шениями социалистическими“ (курсив везде Л. Крицмана) [1]).

Здесь легко найти противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, т. Крицман называет военный коммунизм первым шагом перехода к социализму, с другой—он экономические отношения периода военного коммунизма считает социалистическими. Ведь само собой разумеется, что экономические отношения между людьми характеризуют экономический строй в целом. Здесь явное противоречие. Кроме этой неувязки в характеристике военного коммунизма у т. Крицмана можно найти ошибку в анализе происхождения этого периода. Т. Крицман находит вполне закономерным и неизбежным возникновение этой системы в условиях пролетарской революции. По его мнению возникновение этой системы было обусловлено экономическими факторами. Т. Крицман пишет:

„Следовательно, так называемый „военный коммунизм“ был пролетарской организацией производства и воспроизводства в условиях пролетарской революции, и, именно, решающего периода последней; он, значит, не представлял собой—в основном—чего-то навязанного революции извне. Представление о нем, как о порожденной войной организации одного лишь распределения, представляет собой образец „мышления“ одними словами и поверхностными аналогиями, при которых спокойно ставится знак равенства между гражданской войной, т.-е. революцией, и войной вообще, и т. д.“ [2]).

Мы выше в кратких чертах обрисовали эволюцию экономической политики за период от 25 октября, от лозунга рабочего контроля до политики национализации и монополии. Можно определенно сказать, что чем сильнее сгущались тучи над советской республикой, тем радикальнее становились мероприятия правительства в области экономической политики. С непререкаемой ясностью вытекает положение, что военный коммунизм не есть та экономическая политика, которая могла приблизить страну к социализму. Ведь основным фактором социалистического строительства

---

[1]) Там же.

[2]) См. Л. Крицман. „Героический период великой русской революции“, Гиз, стр. 77.

является развитие производительных сил, а этого как раз при военном коммунизме и не было. Система эта в значительной степени носила потребительский характер. Если бы военный коммунизм был „пролетарской организацией производства и воспроизводства в условиях пролетарской революции“ (Крицман), то т. Ленину не пришлось бы говорить, что

„я держался, таким образом, в 1918 году того мнения, что по отношению к тогдашнему состоянию Советской республики государственный капитализм был бы шагом вперед“ (доклад о русской революции на IV Конгрессе Коминтерна).

Чем был вызван военный коммунизм—экономическими или иными причинами можно видеть из следующих слов Ильича, сказанных в заключительном слове на X с‘езде ВКП.

„Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нами в значительной степени *условиями военными*“ (Курсив мой. Я. Р. [1]).

Еще красноречивее об условиях происхождения военного коммунизма говорит следующая выдержка из сочинений т. Ленина. Возражая меньшевикам, эсерам и ренегату от марксизма Карлу Каутскому, т. Ленин пишет:

„*Военный коммунизм*“ *был вынужден войной и разорением* (курсив мой—Я. Р.). *Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой.* Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянству“ [2]).

Было бы, конечно, верхом глупости и меньшевистской болтовней утверждение, что военный коммунизм не нужен был, что он являлся в корне неправильной политикой, и прочее. Нет, военный коммунизм вытекал из всей политической обстановки тогдашнего времени и был в тех условиях необходим. Но от этого положения до идеализации военного коммунизма имеется разница. Трудно сказать, нужна

---

[1]) В. И. Ленин.—Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I, стр. 151—152.
[2]) В. И. Ленин.—т. XVIII, ч. I, стр. 214.

ли такая экономическая система при всяких условиях гражданской войны. Между тем из всей книги т. Крицмана вытекает такое расширительное понимание военного коммунизма.

Трудно также говорить, таким образом, что военный коммунизм есть вполне продуманная последовательная экономическая политика Октябрьской революции. Наоборот, можно наглядно видеть, как экономическая политика советского правительства меняется вместе с изменением политической обстановки. Т. Ленин об этом пишет:

> „В первый период, когда мы только что кончили первое дело по строительству советской власти и только что вышли из империалистической войны, мы о наших задачах экономического строительства говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов“ [1]).

Эпоха военного коммунизма, несомненно, является эпохой героического пафоса русской революции. Этого никто отрицать не может. Но от экономических фактов трудно уйти. Трудно также отрицать, что военный коммунизм, несмотря на весь этот пафос революционного периода того времени, все же не мог разрешить основных проблем движения ксоциализму: во-первых, закрепить экономический союз пролетариата с крестьянством под руководством первого и, во-вторых, обеспечить развитие производительных сил в стране. Говоря словами Ленина, „потребовался ряд переходных ступеней—государственный капитализм и социализм,—чтобы подготовить работой долгого ряда лет переход к коммунизму“. Характеристика военного коммунизма лучше выражается словами Ильича:

> „Не удалась лобовая атака (военный коммунизм. Я. Р.), перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой“ (нэп. Я. Р. [2]).

---

[1]) В. И. Ленин.—Речь на Всерос. с‘езде политпросветов, т. XVIII, ч. I, стр. 371—372.

[2]) В. И. Ленин.—Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I, стр. 378.

ГЛАВА IX

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

При анализе того или иного хозяйственного строя методологически неправильно совершать огульное перенесение некоторых общих черт с одного на другой. В высшей степени недопустимо абстрактно смешивать черты двух хозяйственных систем тогда, когда, наоборот, требуется конкретный анализ классовой сущности, отделяющей один хозяйственный строй от другого. Чисто формальный метод сравнения здесь абсолютно не годится. Такая „абстракция" ничего общего не имеет с марксизмом. Последний допускает абстракцию таким образом, что изучает явления в его чистом виде, выделяет самое основное, характерное, отметая второстепенные, не имеющие значения для анализа в данный момент черты. Так Маркс изучал „чистый" капитализм. Он в своем анализе не игнорировал классовой сущности последнего, отделяющей его от предшествующих ему формаций,—положим, капитализм от феодализма.

Тем более недопустимо такое механическое понимание изучаемого явления, когда вопрос идет не о характеристике общих теоретических законов хозяйственного развития, а речь идет о конкретном анализе социальных его факторов, когда на основании такого анализа приходится намечать конкретную экономическую политику данного хозяйственного строя. Недаром Владимир Ильич, анализируя советскую экономику, не дал общего абстрактного и формального определения ее, а показал в своем конкретном анализе пять укладов, существующих в нашей экономике, учел всю ее пестроту и многообразие. Владимир Ильич так подходил к делу потому, что только таким обра-

зом можно было вскрыть все своеобразие советской экономики, нащупать весь социальный переплет классовых взаимоотношений, существующих в советском хозяйстве.

Такую коренную методологическую ошибку совершила, по нашему мнению, так называемая „новая оппозиция“, когда она пыталась до и во время XIV партс‘езда охарактеризовать советское хозяйство, как хозяйство госкапиталистическое. Разберем в общих чертах взгляды оппозиции по этому вопросу.

Оппозиция не могла отрицать того факта, что, во-первых, у нас существует диктатура пролетариата, которая в корне меняет всю постановку вопроса о государственном капитализме, а, во-вторых, у нас имеется крупная социализированная промышленность „последовательно-социалистического типа“, по выражению Ленина, которая дает возможность советскому государству сохранять командные высоты в хозяйстве.

Надо оговориться, что накануне XIV с‘езда оппозиция отрицала указанный характер нашей еспромышленности но, под влиянием критики, она вынуждена была согласиться с общим мнением и решением партии. Будучи вынужденной признать факт существования нашей еспромышленности „последовательно-социалистического типа“, дающей советскому государству ключ к господству над всей хозяйственной жизнью страны, оппозиция в то же время выдвигала ряд экономических факторов, которые должны были показать, что советское хозяйство есть хозяйство госкапиталистическое. К числу этих факторов принадлежат: концессии, аренда, наличие рынка, крестьянское мелкособственническое хозяйство. Некоторые товарищи из оппозиции, как, например, тов. Сокольников, договорились до того, что считают наши банки, транспорт и внешнюю торговлю тоже госкапиталистическими.

Думать, что аренда и концессии занимают у нас такое солидное положение, чтобы, считая их государственно-капиталистическими предприятиями, покрывать ими всю промышленность,—просто смешно. Стоит только привести пару цифр, чтобы опровергнуть это.

Если капитал, вложенный в государственные предприятия „последовательно-социалистического типа“, составляет не-

сколько миллиардов рублей, то капитал, вложенный в концессионные предприятия, составляет каких-нибудь 40 миллионов рублей. Если на государственных предприятиях работает более 2 миллиона человек, то на концессионных предприятиях работает всего 50—60 тысяч человек. Удельный вес концессионных и арендованных предприятий у нас чрезвычайно мал.

Концессии и аренда представляют, конечно, определенный вид госкапиталистических предприятий, регулируемых и контролируемых советской властью. Не приходится скрывать, что при свободной игре рыночной стихии, ничем не регулируемой со стороны пролетарского государства, они могли бы стать форпостами настоящего капитализма. Но эти самые концессии и аренда в таком виде, как они существуют у нас, вызваны жизнью именно потому, что у нас существует пролетарское государство. Количественно они значительно слабее нашей госпромышленности. Они серьезной опасности не представляют в смысле конкуренции, поскольку они входят в систему советского хозяйства, в общий хозяйственный план.

Но оппозиция и не склонна в своих утверждениях о госкапиталистическом характере нашей экономики аргументировать преимущественно арендой и концессией. Она выдвигает „тяжелую артиллерию" в виде утверждения, что весь строй нашего хозяйства проникнут госкапиталистическим духом, поскольку у нас существуют рыночные отношения, связующие нашу госпромышленность с частным хозяйством. Один из столпов новой оппозиции тов. Сафаров писал:

> „Но поскольку наши советские предприятия связаны с рынком целой системой приводных ремней, постольку в этой области отношений между нашей социализированной экономикой и частным хозяйством господствует государственный капитализм". „Ленинградская Правда" от 8|XII—25 г. № 281.

Тот же тов. Сафаров, когда ему поставили ребром вопрос о характере нашей экономики и роли нашей государственной промышленности, вынужден был отойти на вторые позиции и заявить следующее:

> „В 1001 раз отвечаем: именно она-то (госпромышленность. *Я. Р.*) и есть основа социализма во всем нашем

хозяйственном переплете. Но, чтобы признавать не на словах, а на деле взгляды т. Ленина в этом вопросе, нужно помнить, что строй взаимоотношений между этой социализированной промышленностью и миллионами мелких местных хозяйств представляет собой ряд промежуточных звеньев государственного капитализма, переходящих и частично в организацию социалистического типа (кооперация)—по мере развития нашей социалистической производственной базы в лице советской промышленности". („Ленинградская Правда" 19 XII—1925 г. № 286).

Из этих слов видно, что оппозиция волей-неволей вынуждена была признать нашу господромышленность „последовательно-социалистической", что эта промышленность есть основа социализма. Но она, отступая, все же считает возможным называть наш строй госкапиталистическим потому, что между госпромышленностью и частным хозяйством (преимущественно крестьянским) существуют рыночные отношения, являющиеся признаком капитализма.

Здесь оппозиция проявила полную непоследовательность, которую можно об'яснить нежеланием видеть факты, как они есть. Госпромышленность, как известно, среди других командных высот, составляющих опору диктатуры пролетариата, является центральным местом. Она представляет из себя рычаг, посредством которого приводится в движение вся хозяйственная жизнь страны. Она втягивает в свою орбиту как типично госкапиталистические предприятия—концессионные и арендованные, так и крестьянские хозяйства. Госпромышленность является главным поставщиком товаров для страны, в том числе и для крестьянского хозяйства. Она является доминирующим фактором всей хозяйственной жизни страны. Этого не может отрицать и оппозиция.

А раз это так, то почему она (госпромышленность) не определяет весь тип хозяйственного строя страны, почему, по мнению оппозиции, строй взаимоотношений между государственным хозяйством и „частным" является госкапиталистическим? Только потому, что этот строй взаимоотношений осуществляется через рынок? Но сама же оппозиция нехотя вынуждена признавать кооперацию, несмотря на рыночную ее связь с госпромышленностью „ор-

ганизацией социалистического типа"[1]). Признавая „столбовую дорогу" развития крестьянского хозяйства, ленинский путь этого развития, смычку крестьянского хозяйства через кооперацию с госпромышленностью, нельзя не признать, что строй взаимоотношений между государственным сектором и частным сектором народного хозяйства не является госкапиталистическим.

Оппозиция на словах признает, что в перспективе капиталистические отношения у нас будут отмирать вместе с развитием кооперации, а пока, по ее мнению, они в нашем хозяйстве преобладают. Но откуда такое утверждение? Оно вытекает, вопервых, из того, что оппозиция недооценивает всей крупной организующей роли кооперации, втягивающей крестьянское хозяйство в русло социализма, и, вовторых, из того, что внешняя форма (рынок) заслоняет перед оппозицией содержание нашего хозяйственного строя. Прав был тов. Бухарин, когда он приводил пример рыночных взаимоотношений между самими госпредприятиями или кооперацией и указывал на то, что из этого отнюдь не вытекает, что это предприятия госкапиталистические.

Надо иметь в виду, что рынок будет постепенно отмирать вместе с отмиранием товарного хозяйства, что он окончательно будет уничтожен вместе с установлением коммунистического строя. Можно ли называть весь путь от капитализма к организованному хозяйству госкапитализмом только потому, что существует рынок? Вот что говорит т. Сталин, критикуя в своем заключительном слове на XIV с'езде тов. Сокольникова:

> „Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методом „капиталистической экономики". Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало-быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назна-

---

[1]) Сафаров.

чение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом меняются в пользу социализма в ущерб капитализму" (стенографический отчет XIV партс'езда, стр. 17).

Важно видеть основные факторы, движущие силы к коммунизму, основу диктатуры пролетариата—госпромышленность, монополию внешней торговли, советскую кооперацию, определяющие весь строй хозяйственной жизни, чтобы правильно определить тип нашего хозяйства. Самый факт существования других укладов, в том числе мелкого товарного крестьянского хозяйства, ничего не меняет в общей оценке, поскольку не они, а социализированная промышленность является главным регулятором нашей экономики. Не видеть это, значит не замечать основного фона советского хозяйства, отличающего его от капиталистического и госкапиталистического.

Оппозиция совершает еще одну ошибку, заключающуюся в том, что она переносит черты и признаки, характеризующие небольшой участок нашей экономики, на все хозяйство в целом. Называя наш строй госкапитализмом, она тем самым приписывает всей нашей экономике то, что относится к концессиям и арендованным предприятиям.

Почему концессия и аренда есть чистый вид государственного капитализма? Потому что это есть капитализм, допущенный советской властью в силу целого ряда условий, о которых здесь не место говорить, советским государством регулируемого и контролируемого.

Может ли эта часть превратиться в целое? Теоретически это возможно допустить только при крушении диктатуры пролетариата, при условии, когда страна превратится в колонию, подчиненную иностранному капиталу. Тогда уж придется говорить не о госкапитализме, а о капитализме вообще, поскольку отпадает то специфическое содержание, которое указанные экономические формы имеют при советской власти, или же о госкапитализме буржуазной формации.

Недопустимо поэтому брать за одну скобку госкапиталистическую экономику с госпромышленностью и валить все в одну кучу. Государственно-капиталистические элементы нашего хозяйства допущены нами не для того, чтобы они господствовали в нашей экономике. Наоборот, сохраняя

командные высоты в последней, пролетарская диктатура использует госкапиталистические элементы для развития производительных сил, для движения по социалистическому руслу. В этом весь смысл нэпа.

„Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма“ [1]).

Оппозицию ввели в заблуждение следующие слова Ленина: „Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего экономического положения дел в нашей советской республике“.

Из этого был сделан неправильный вывод, что Владимир Ильич называл наш хозяйственный строй государственным капитализмом.

Слова Ленина относятся к 1918 году, когда советское правительство только еще приступало к проведению национализации, когда положение дел было таково, что нужно было выбить буржуазию из тех экономических позиций, которые она еще в то время занимала. Притом надо учесть, что у пролетариата не было еще того опыта управления промышленностью, какой был приобретен в последующие годы.

Понимание т. Ленина вопроса о госкапитализме прекрасно выражено в следующих его словах:

„Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость Брестского мира, мы поставили, напр., весною 1918 года вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче, и решение нами социалисти-

---

[1]) И. Сталин.—Заключительная речь на XIV партс‘езде.

ческих задач было бы ближе, если бы у нас был государственный капитализм в виде государственной системы" [1]).

Допустимо ли смешивать тогдашнее положение с десятым годом революции, когда, сохранив в своих руках командные высоты, мы доходим в производстве до довоенного уровня. Можно ли так механически переносить то, что могло относиться к другому времени, коренным образом отличающемуся от нынешнего?

Посмотрим, какое содержание вкладывает т. Ленин в понятие „государственный капитализм" в его реальной форме, когда он уже стал фактом экономической жизни, когда он уже вклинился в советское хозяйство. Возьмем его речь на XI с'езде партии, через год после введения новой экономической политики. Ильич пишет:

> „Государственный капитализм это—тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить; этот государственный капитализм связан с государством, а государство это—рабочие, это—передовая часть рабочих, это—авангард, это—мы. Государственный капитализм это—тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем поставить до сих пор".

Ленин в дальнейшем перечисляет те виды, какие получает государственный капитализм в советской стране. Первый вид—концессии. О них Ленин пишет:

> „Что такое концессии в советской системе с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это—договор, блок, союз советской, то-есть пролетарской, государственной власти, с государственным капитализмом против мелкособственнической (патриархальной и мелкобуржуазной) стихии. Концессионер это—капиталист. Он ведет свое дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли сверх обычной или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно".

---

[1]) В. И. Ленин.—Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I, стр. 371.

Дальше Ленин приводит другие виды госкапитализма, когда „государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенные комиссионные проценты за продажу государственных продуктов мелкого производителя“.

На ряду с этим госкапитализм выражается в виде аренды, когда советское государство сдает арендатору предприятие или участок земли.

Формы госкапитализма могут разнообразиться в зависимости от конкретных условий, в которых находится советское государство, исключая только моменты таких экономических связей государства с капиталистами, которые означают денационализацию, то-есть сдачу всех завоеваний Октября. У Ленина даны основные типы государственного капитализма, коренным образом отличающиеся от тех экономических форм, которые являются базисом социалистического строительства—предприятий „последовательно-социалистического типа“. Кроме государственных предприятий, туда входят и кооперативные, которые при том понимании кооперации, которое дано Лениным, также становятся элементами социалистической экономики.

Из приведенных выдержек мы можем установить несколько положений, которые резко отличают ленинскую постановку государственного капитализма от его толкования оппозицией. Эти положения сводятся к следующему:

1) Историческая обстановка, выражавшаяся в общей хозяйственной разрухе, в ослаблении промышленности, в истощении сельского хозяйства, которая наметилась еще в 1918 году, требовала перехода к такой экономической политике, которая максимально развязывала бы производительные силы страны. Эта обстановка подсказала следующие слова Ильичу: „государственный капитализм был бы шагом вперед“. Против чего? Против мелкособственнической стихии, мешавшей стране вступить на широкий путь экономического развития.

Ведь крестьянское хозяйство, разрушенное войной, в котором отсутствуют самые необходимые машины, стоящие фабрики с деклассированным пролетариатом, продовольственный голод,—все это требовало оживления, толчка, который мог быть дан введением государственного капитализма, то-есть элементов капитализма, контролируемых

й регулируемых пролетарским государством. Поэтому Ленин за госкапитализм, потому что он помогает вывести страну из нищеты и разрухи, потому что он содействует поднятию крупной промышленности, главного базиса социализма, потому что он должен помочь укреплению смычки между госпромышленностью и крестьянским хозяйством.

В 1921 году, после введения новой экономической политики, Ленин выступает горячо за концессии, поскольку они дают возможность увеличить капиталы страны, поднимают ее производительные силы.

Но уже в 1922 году на XI с'езде партии Ленин заявляет: „Отступление кончилось". Он уже обосновывает необходимость укрепления командных высот, учиться самим торговать, крепче взять руководство хозяйственной жизнью страны.

Вместе с укреплением госпромышленности в стране укрепляются элементы социалистического типа, которые дают основной тон экономической жизни и сводят госкапиталистические элементы на положение подчиненных форм, удельный вес которых значительно меньше первых.

2) Ленин резко отделяет госкапиталистические формы от последовательно-социалистических, не смешивает, не принимает часть за целое. Госкапитализм, который не является господствующей экономической формой в советском государстве, понимается Лениным, как частичное введение капитализма под руководством пролетарского государства.

Государственный капитализм не может у нас являться господствующей формой потому, поскольку не он подчиняет себе хозяйственную жизнь страны, а, наоборот, он подчиняется руководству пролетарского государства. Пролетарская власть во всякий момент может его ограничить, свести к минимуму, но это делается не путем административного запрета, а путем экономического вытеснения его элементами социалистическими. *Чем более растет удельный вес госпромышленности и кооперации, тем более госкапиталистические элементы хозяйства отступают на задний план.* Мы это видим на примере концессий, которые у нас занимают небольшое место. То же относится к аренде.

3) По Ленину роль кооперации чрезвычайно велика. Это—путь перестройки крестьянского хозяйства на социалистический лад. Вместе с тем то, что у оппозиции включается в одну скобку „частное хозяйство“, куда, на ряду с госкапиталистическими и чисто капиталистическими формами, входит и трудовое крестьянское хозяйство, то в ленинском понимании дифференцируется. Путем развития кооперации крестьянское трудовое хозяйство будет включаться в сектор последовательно - социалистического типа и тем самым уменьшит роль капитализма и госкапитализма в стране. Хозяйство, в котором госпромышленность, увязанная с крестьянским хозяйством через кооперацию, представляет господствующую экономическую форму, отнюдь не является уже строем госкапиталистическим, а переходным к социалистическому.

Таково в общем ленинское понимание госкапитализма, как небо от земли отличающееся от взглядов оппозиции.

К чему же сводятся в общем и целом взгляды оппозиции?

1) Оппозиция по существу отрицает социалистический характер нашей госпромышленности, что приводит к оценке последней, как элемента госкапитализма.

2) Она преувеличивает роль и значение госкапиталистических элементов советской экономики, она превращает часть в целое, что приводит к утере перспективы о будущем развитии социалистического строительства.

3) В понимании оппозиции все крестьянское хозяйство сводится к капиталистическим элементам. Она недооценивает организующей роли кооперации, которая (кооперация) при диктатуре пролетариата переводит на социалистические рельсы крестьянское хозяйство.

4) В глазах оппозиции форма заслоняет содержание. Существующие рыночные отношения приравниваются ею к капитализму, в то время когда в действительности плановое начало постепенно начинает доминировать в советском хозяйстве, регулируя рынок и направляя его по пути организованного хозяйства.

5) Из всей характеристики системы советской экономики, как госкапиталистической, вытекает недооценка оппозицией социалистических элементов советского хозяйства, а это приводит к дезориентации о путях его развития.

На XIV партс'езде оппозиция получила достойный отпор. С'езд решительно отверг взгляды оппозиции по вопросу о характере нашей экономики и дал правильный ответ на вопрос о путях социалистического строительства.

„С'езд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач (социалистического строительства. *Я. Р.*) является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями последовательно-социалистического типа (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. С'езд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма" (Резолюция по политотчету ЦК ВКП).

Для того, чтобы уяснить вопрос о характере госкапиталистических элементов советского хозяйства, стоит сравнить их с госкапитализмом буржуазной формации.

Подробно вопрос этот был разобран выше. Здесь же важно выяснить классовую подоплеку госкапитализма советской формации в отличие от буржуазной. У Ленина это различие характеризуется следующими словами:

„Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве—**это два различных понятия.**

В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством в пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса с целью устоять против все еще слишком сильной буржуазии и бороться против нее"[1]).

К этому остается добавить, что если в буржуазном государстве государственный капитализм означает слияние

[1]) В. И. Ленин—Собр. сочинений, т. XVIII, стр. 306—307.

капитала с государственной властью, фактическое подчинение второго первому, хотя внешне государство имеет очень крупную силу, то в пролетарском государстве государственный капитализм может составлять только часть, подчиненную регулирующему плановому началу советского государства, использовывающего госкапитализм в интересах развития производительных сил, социалистического, строительства. Суть разницы между госкапитализмом буржуазного типа и советского заключается в социальной базе того и другого.

Для уяснения роли капиталистических элементов в нашем хозяйстве необходимо привести несколько данных о динамике роста частного капитала в хозяйственной жизни Союза. Это даст возможность конкретно на цифровых данных уяснить роль частного капитализма и удельный его вес в сравнении с социалистическими элементами страны. Раньше всего приведем цифры, рисующие развитие крупной государственной промышленности (последовательно-социалистического типа) за 4 года нэпа:

	Валовая продукция крупной госпромышленности
1921—22	850 миллионов руб.
1922—23	1239 " "
1923—24	1621 " "
1924—25	2616 " " [1]

Крупная промышленность за четыре года таким образом увеличилась больше, чем в четыре раза.

Посмотрим рост удельного веса, с одной стороны, цензовой промышленности, с другой ремесленно-кустарной промышленности, где главным образом работает частный капитал (цифры о роли частного капитала в производстве под рукой не имеются). Если удельный вес цензовой промышленности за четыре года (1921—1925 г.) увеличивается с 18,1% до 27,9%, то ремесленно-кустарная увеличивается с 5,8% до 7,4% [2]). Разница в темпе громадная.

Если мы захотим еще нагляднее убедиться в сравнительно небольшой роли частного капитала в Союзе, можно при-

---

[1]) Г. Крумин.—„В борьбе за социализм". Изд. „Эконом. Жизнь", стр.26.

[2]) Г. Крумин—там же.

вести последние имеющиеся цифры о процентном соотношении государственной и частной промышленности. Доля государственной промышленности всей продукции страны составляет—82%, доля частной—18% [1]). Оппозиция на роли частного капитала в обороте страны хочет заработать кой-какой политический капитал, безбожно преувеличивая его роль.

Мы видим, таким образом, что частный капитал в промышленности занимает довольно скромное место. Частный капитал в промышленность идет очень туго, так как здесь требуются капитальные затраты, и оборачиваемость капитала происходит медленно. Частный капитал устремляется главным образом туда, где, с одной стороны, легче обернуться, с другой—туда, где прибыль выше. А так как в торговле государство оказалось слабее, чем в промышленности, то частный капитал устремился туда. До 1923 года можно было видеть крупный рост частного капитала в торговле. Начиная с 1923 года, под нажимом экономических мероприятий государственной власти, улучшения госторговли и увеличения роли кооперации, частный капитал и здесь сокращает свою деятельность. „За период с 1-го полугодия 1923—1924 г. по 1-е полугодие 1924—25 г. частный капитал потерял свыше 100.000 торговых предприятий, или 25% (с 477 тыс. до 350 тыс.). Роль же государственного торгового аппарата за это время увеличилась. Это увеличение достигает 98%, кооперативный увеличился на 40%. Обороты частной торговли сократились на 35%, оборот же госторговли увеличился за это время на 73%. Несмотря на сокращение оборотов частного капитала, общий торговый оборот увеличился на 34% [2]). Каков общий удельный вес частной торговли в общем торговом обороте СССР за 1924—25 г.? Весь оборот страны исчисляется в 21.365 мил. руб. Из этой суммы 50,4% приходится на госорганы, 24,7% на кооперацию, 24,9% на частную торговлю. Мы видим, таким образом, что торговля в общем и целом находится в руках государства и кооперации (75%). В оптовой торговле хозяином положения является государство

---

[1]) „Большевик“, № 14, статья т. Ломова, стр. 34.

[2]) Доклад т. Загорского на президиуме Госплана. „Правда“, июль 1926 г.

(89%), частная торговля 11%. Большое месточастный капитал еще занимает в рознице—43% [1]). В торговых капиталах доля частных капиталов падает с 28,4% в 1923—24 г. до 16,6% в 1924—25 г. Картина еще станет яснее, если возьмем оборот частной торговли в таком центре, как Москва. „Обороты Московской Товарной Биржи показывают неуклонное падение удельного веса частной торговли: в 1923—24 г.—15,8% в покупках; в 1924—25 г.—7,1%. То же самое по провинциальным биржам (15% и 10,1% [2]). Согласно контрольным цифрам Госплана на 1926—27 год доля частного капитала в торговле составляла с 1923—24 по 1925—26 г. 40,8, 27,0, 24,0, 22,0 процента. Доля кооперации соответственно растет: 28,2, 37,5, 42,0, 44,0, процента" („Правда" № 202). Приведенные цифры с наибольшей выпуклостью показывают, что на участке, где, казалось бы, частный капитал наиболее силен, он за последние годы терпит поражения. Социалистические элементы хозяйства и здесь одерживают победы.

Несмотря на такие красноречивые факты укрепления пролетарского государства в торговле, что составляет несомненно плюс, оппозиция договорилась до таких чудовищных предложений, как из'ятие государственных и кооперативных капиталов из торговли. (См. стенограф. отчет заседания в Комакадемии по поводу контрольных цифр Госплана).

В последнее время вытолкнутый из различных сфер торговли, частный капитал пустился в наиболее уязвимое место для советского государства—в хлебозаготовки, где он пытается закрепить смычку с кулацким элементом в деревне. Но усилиями партийных и советских органов (апрельский и июльский пленумы ЦК ВКП) приняты меры к тому, чтобы не допустить разбухания его во вред интересам государства и направить его по правильному руслу. Что касается кулачества в деревне, то здесь стоит привести основную цифру, фигурировавшую на XIV парт-с'езде, чтобы убедиться в том, что, хотя капиталистические элементы деревни растут, но они вовсе не представляют такой опасности, как это многим товарищам из оп-

[1]) Данные взяты из предсмертной статьи Ф. Дзержинского, а также из статьи Плиндер, „Правда", июль 1926 г.

[2]) Г. Крумин. „В борьбе за социализм", стр. 84.

позиции кажется. Кулачество, несмотря на некоторый его рост, все же не представляет в деревне больше 4%. Кооперация увеличивает, хотя и постепенно, свою силу в деревне и помаленьку вытесняет мироеда-кулака из его насиженного места.

Приведем еще одну цифру, показывающую развитие социалистических и капиталистических элементов советской экономики:

> „На 1-е октября 1924 г. капитальные фонды (без жилищного) исчисляются в сумме 19,7 млрд., из которых 11,7 млрд. приходится на государственные фонды, 567 миллионов на кооперативные и 7,5 млрд. руб. на частные [1]).

Таким образом из общего имущества страны государство и кооперация имеют 62,2%, остальные 37,8% принадлежат „частному капиталу“. Но если принять во внимание, что в рубрику „частных“ входит крестьянское хозяйство, которое путем кооперации должно и может быть втянуто в социалистическое русло, то легко понять, что и в этом отношении преимущество на стороне социалистических элементов страны.

Приведем еще один чрезвычайно важный показатель роста социалистических элементов нашего хозяйства. Излишне доказывать, что банки, как в капиталистическом хозяйстве, так и у нас, представляют крупнейшую экономическую силу. В капиталистических странах они финансируют промышленность, которая становится от них в зависимость. Банковый капитал становится путем закупки большинства акций хозяином промышленности. В советской стране хозяином промышленности является пролетарское государство, которое финансирует промышленность через свою банковую систему, устанавливает за ней контроль, регулирует распределение средств и т. д.

Частный капитал находится, конечно, в зависимости от советских банков, так как последние могут расширить или сжать кредит и этим поставить его в затруднительное положение. Таким образом банки, в особенности Госбанк, являются рычагом контроля и регулирования частного капитала.

---

[1]) Данные Госплана.

Кроме этого, банки впитывают в себя через систему кредита также накопление капиталов в стране. Посмотрим же, как растет этот могущественный фактор хозяйственной жизни страны.

Сеть филиалов банков, составлявшая на 1-е октября 1922 года 126 единиц, возросла к октябрю 1925 г. до 725 единиц, т.-е. увеличилась за 3 года почти в 6 раз.

Баланс Госбанка, составлявший на 1 октября 1922 г. 108,4 миллиона руб., возрос до 1 октября 1925 г. до 3.139,2 мил. руб. Текущие счета и вклады Госбанка выросли с 51,8 до 330,0 миллионов руб. Учетно-ссудные и подтоварные операции: 55,9 мил. руб.—1099,2 миллиона руб.

За 1924—25 г. балансы выросли почти вдвое.

Приведенные цифры сами говорят за себя.

Подведем итоги. Несмотря на тот факт, что с развитием новой экономической политики в стране развиваются капиталистические элементы, у пролетарского государства имеются такие рычаги, посредством которых можно направить это развитие в выгодную для диктатуры пролетариата сторону. Социалистические элементы нашего хозяйства усиливаются за счет капиталистических и госкапиталистических элементов. Плановость хозяйственного руководства также увеличивается. Это можно видеть, во-первых, из факта ежегодного установления контрольных цифр советского хозяйства и, во-вторых, из того, что сейчас возможно наметить общий перспективный план развития хозяйства на целое пятилетие.

При госкапитализме буржуазной формации, несмотря на то, что государство как будто регулирует отдельные стороны хозяйства, в основном хозяевами положения остаются классовые организации капитала—тресты и синдикаты, которые устанавливают искусственную монополию на товары, увеличивают свою прибыль. Анархия производства получает еще более широкую базу. Загнивание капитализма не останавливается, а прогрессирует.

Не то мы видим при советском хозяйстве. Благодаря общеплановому руководству, расширяется возможность развития техники, поднятия производительных сил. Частная собственность на средства производства в крупной промышленности у нас упразднена. Государство стремится

улучшить благосостояние населения, регулируя цены на продукты, устанавливая предел промышленной прибыли, поднимая реальную заработную плату рабочего. Никакой госкапитализм не способен был бы поднять такой широкой кампании за снижение цен, как это делает пролетарское государство.

Сектор обобществленного хозяйства все расширяется. Здесь находится крупная промышленность „последовательно-социалистического типа" национализированный транспорт, система банков, которые дают возможность рабочему государству быть настоящим общественным хозяином страны, строить социализм. Система монополии внешней торговли дает возможность направить экономические связи нашего хозяйства с заграницей по плановому руслу, противопоставить стремлению мирового капитализма прошибить стену социалистического хозяйства своими товарами свою организованную систему, которая предохраняет страну от экономического закабаления. Все указанные факторы чрезвычайно усиливают социалистические элементы советского хозяйства.

Как все же назвать хозяйственный строй, который существует в советском государстве? На это мы можем ответить словами тов. Бухарина:

> „Наше хозяйство есть хозяйство переходного типа, где имеются различные элементы" (Н. И. Бухарин. К итогам XIV партс'езда. Изд. „Моск. Рабоч." Стр. 42).

Наше хозяйство нельзя еще назвать полностью социалистическим, как это делают некоторые товарищи (см. Вл. Сарабьянов.—„Основные проблемы нэпа"). Но его и нельзя назвать капиталистическим или госкапиталистическим. Наш хозяйственный строй своеобразен. Он имеет элементы, как капиталистические, так и социалистические. Но при наличии госпромышленности „последовательно - социалистического типа", которая начинает господствовать в нашей экономике и советской кооперации, наш хозяйственный строй направляется по социалистическому руслу. Медленными, но твердыми шагами укрепляя диктатуру пролетариата, мы превращаем „Россию нэповскую в Россию социалистическую".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

